Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 10
1974

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 10 Нью-Йорк 1974

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $7.00 USA for one year
$2.50 USA per single copy

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place,
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В 1974 году вышло три номера «Переклички» — №№ 8, 9 и 10; с получением №10 подписка исчерпана. Подписная плата на 1975 год остается $ 7.00. Просим всех подписчиков погасить задолженность за 1974 год и своевременно прислать подписку на 1975 год. Чеки и денежные переводы выписывать исключительно на:

Association of Russian Cadets, Inc.

и посылать по адресу:

Paul Olferiev
41-87 Frame Place, Flushing, N. Y. 11355

Пожертвования в фонд «Переклички» принимаются с благодарностью.

Редакция.

9 ОКТЯБРЯ 1974 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 40 ЛЕТ СО ДНЯ ТРАГИЧЕСКОЙ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО МОНАРХА, ИСКРЕННЕГО ДРУГА РОССИИ И РУССКОГО НАРОДА, ЗАЩИТНИКА И ПОКРОВИТЕЛЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ, ГДЕ БЫ ОНА НЕ НАХОДИЛАСЬ, БЛАГОДЕТЕЛЯ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ И ОСОБЕННО РУССКИХ КАДЕТ В СВОЕМ КОРОЛЕВСТВЕ

КОРОЛЯ РЫЦАРЯ
АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО КАРАГЕОРГИЕВИЧА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПОКОЙНОГО ПОСВЯЩАЕМ ЭТОТ НОМЕР

КАДЕТСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКИ

Лампада на гробнице Короля в усыпальнице в Опленце. Слева гробница Его матери Княгини Зорки, справа предполагаемая гробница Его супруги Королевы Марии, временно похороненной в Англии.

Серебряный венвок от русской эмиграции в Югославии

КОРОЛЬ ВИТЯЗЬ
АЛЕКСАНДР I ОБЪЕДИНИТЕЛЬ *)

Александр Карагеоргиевич, второй сын короля Петра I и княгини Зорки, дочери Короля Черногории Николая I Петровича, родился в Цетинье 17 декабря 1888 года. Ему было два года, когда скончалась его мать и отец, тогда еще князь Петр, переселился с детьми в Женеву.

Там дети — дочь Елена, сыновья Георгий и Александр, получили начальное образование. Когда, 29 мая 1903 г., была свергнута с престола династия Обреновичей и король Александр I и королева Драга были убиты, Народная Скупштина (парламент) выбрала 24 июня князя Петра Карагеоргиевича королем Сербии. В это время дети находились в школах в Петрограде. Александр там начал образование в гимназии, которое продолжил в Белграде после 1903 г. Военное образование получил в Белграде и в Пажеском Корпусе в Петрограде. Возвратившись в Сербию, в 1906 г., он был провозглашен Престолонаследником, 28 марта, после того как его старший брат, Георгий, отрекся от прав на престол. С этого момента Он посвящает свою жизнь Отечеству и своему народу.

В это время все стремления народа были направлены на освобождение сербов, находившихся под турецким владычеством. Принимая во внимание, что не только Сербия и Черногория, но и Болгария, и Греция стремились к освобождению своих братьев, порабощенных турками, это привело в 1912 году к заключению четырьмя державами Балканского Союза против Турции. Война началась 17 октября 1912 г. Во время войны, Престолонаследник Александр командовал I армией. Эта армия выиграла два больших сражения на Куманове и около Битоля, которые в конечном результате решили войну против турок.

К сожалению, в результате затруднений, возникших в связи с разделом освобожденных земель между сербами и болгарами, вспыхнула вторая Балканская война. Неожиданно болгары, отказавшиеся от арбитража русского царя, предусмотренного

---

*) Перевод с сербского. Настоящая статья написана специально для "Переклички" выдающимся сербским дипломатом, публицистом и редактором журнала "Гласник", сербского историческо-культурного общества "Ньегош", г. Душаном Петковичем.

соглашением о Союзе между Сербией и Болгарией, без предварительного объявления войны, напали на сербские войска на реке Брегальнице и на других частях фронта. И в этой войне Александр стоял во главе I армии. На Брегальнице, также как и в 1330 году на Велбужде, определенно начертаны границы между Сербией и Болгарией. Побежденная на Брегальнице, Болгария запросила мира, т. к. против нее кроме греков, на которых она напала как и на сербов, двинулись румыны и турки.

Победив турок и болгар, Сербия и Черногория становятся центром сербского объединения. Эти победы нашли особенно сильный отклик у сербов живших под Австро-Венгрией.

24 июня 1914 года, только за четыре дня до Видовданских торжеств, и сараевского убийства, больной король Петр I возложил исполнение обязанностей главы государства на престолонаследника Александра, который становится Регентом Королевства Сербии.

Черные зловещие тучи, которые нависали над Сербией, еще с момента аннексии Боснии и Герцеговины Двуединой монархией в октябре 1908 года, снова угрожающе двинулись из Сараева. В день сербского национального праздника Видовдана, австро-венгерский престолонаследник Франц Фердинанд со своей супругой Софией должны были быть торжественно встречены в Сараево. Но вместо торжественной встречи разорвалась бомба террориста Чабриновича, а несколько позднее выстрелы из револьвера молодого серба Гаврилла Принципа прервали жизни Фердинанда и Софии. Покушение было делом рук организации сербской молодежи «Молодая Босния».

Вена воспользовалась этим происшествием в своем желании уничтожить Сербию. Правительство Вены, считавшее Сербию ответственной за покушение в Сараево, отправило сербскому правительству ультиматум с такими требованиями, которых ни одно независимое государство не могло бы принять. Регент Александр обратился к русскому царю Николаю II со следующей телеграммой:

> «Требования австровенгерской ноты без необходимости представляют унижение для Сербии и несогласованы с достоинством независимого государства. От нас требуют в повелительном тоне официального заявления в «Сербских новостях» и королевского приказа армии, которыми будут нами самими пресечены все выступления против

Австрии и признаны справедливыми обвинения в наших вероломных происках. Требуется допустить австрийских чиновников в Сербию, которые вместе с нашими будут вести расследование и контролировать исполнение других требований ноты. Нам предоставлен срок в 48 часов принять все, иначе австровенгерское посольство покинет Белград. Мы готовы принять австровенгерские требования, которые согласованы с позицией независимого государства, а также и те, которые были бы предложены нам Вашим Величеством; все лица, участие которых в убийстве будет доказано, нами будут строго наказаны. Некоторые требования не могут быть исполнены без перемены законов, а для этого требуется время. Нам предоставлен слишком короткий срок... На нас могут напасть после истечения срока, т. к. на нашей границе группируются австровенгерские войска. Нам невозможно защититься и поэтому прошу Ваше Величество прийти как можно раньше нам на помощь...»

27 июля 1914 года царь Николай II ответил:

«Ваше Королевское Высочество, обращаясь ко мне в столь тяжелый момент, не ошиблось в чувствах, которые я питаю по отношению к Нему и в моем сердечном расположении к сербскому народу. Самым серьезным образом Мое внимание обращено на настоящее положение и Мое правительство всеми силами старается преодолеть настоящие трудности. Я не сомневаюсь, что Ваше Высочество и королевское правительство облегчат эту задачу, не пренебрегая ничем, что могло бы привести к решению, которое предотвратит ужасы новой войны, соблюдая в то же время достоинство Сербии. Все Мои усилия, пока будет хотя бы самая маленькая надежда избежать кровопролитие, будут направлены к этой цели. Если, вопреки нашему самому искреннему желанию, успех не будет достигнут, Ваше Высочество может быть уверено, что ни в каком случае Россия не останется равнодушной к судьбе Сербии».

В разговоре со своим шурином, великим князем Александром Михайловичем, царь Николай II, на вопрос о том мог ли Он избежать войны, ответил дословно следующее:

«Я мог избежать войны, если бы хотел совершить акт предательства по отношению Сербии и Франции, но это не в Моем характере».

Заняв такую позицию в наиболее трагические дни сербской истории, царь Николай II пришел на помощь Сербии и этим дал сербскому народу незабываемое доказательство Своей искренней дружбы. Встав на защиту Сербии, Он потерял и свой престол, и жизнь Свою и всей Своей семьи.

На другой день после ответа царя Николая II Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Это было началом Первой мировой войны.

В этой войне, которая продолжалась с 28 июля 1914 года до 11 ноября 1918 года, регент Александр был Верховным Главнокомандующим сербской армии. Война закончилась победой союзников над центральными державами, Болгарией и Турцией. В результате этой войны родилось Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, провозглашенное 1 декабря 1918 года в Белграде.

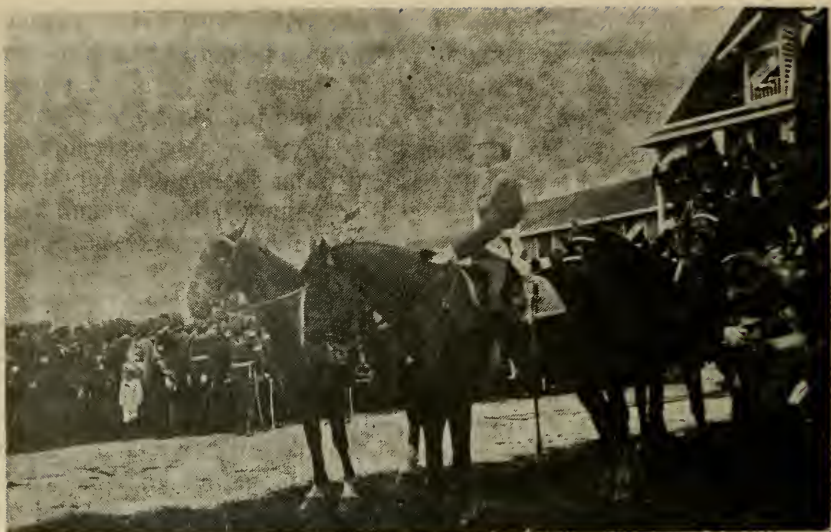
Всю войну регент Александр провел со своими солдатами на полях сражений. Сербская армия, изнуренная двумя предыдущими войнами, оказала героическое сопротивление неприятелю и одержала две блестящих победы на Цере и Сувоборе в 1914 году. Осенью следующего года на Сербию напали Германия, Австро-Венгрия и Болгария. Под давлением объединенных и значительно превосходящих сил противника, сербская армия отступала сражаясь, перешла хребты Черногории и негостеприимную Албанию и вышла на Адриатическое побережье. Оттуда она была переброшена на остров Корфу, с которого, отдохнув и реорганизовавшись, была направлена на Салоникский фронт. Переброска армии союзными кораблями на о. Корфу произошла после вмешательства русского царя Николая II и энергичного настояния регента Александра, который отказался погрузиться на корабль, пока последний сербский солдат не будет переброшен на Корфу. Надо принять во внимание, что хотя в это время регент Александр был серьезно болен, его забота о своих солдатах сильно повлияла на сохранение ими воинского духа.

Первым большим подвигом на Салоникском фронте было освоение «неосвоимого» Каймакчалана. И это случилось непосредственно после переброски сербских частей на поле битвы. Прорывом Салоникского фронта, 15 сентября 1918 г. было ускорено окончание войны. Все это время регент Александр был со своими храбрыми солдатами, обходил их позиции, разделял с ними и радости, и тяготы. Он был их настоящим боевым товарищем.

По окончании войны и после смерти своего августейшего родителя, 16 августа 1921 г. регент Александр стал Королем Сербов, Хорватов и Словенцев. На престоле оставался до 9 октября 1934 г., когда погиб в Марселе при посещении Франции, в результате преступного международного заговора от выстрелов наемного убийцы, Владимира Георгиева-Черноземского (Величка Керина), члена Внутренней Македонской Террористической Организации в сотрудничестве с хорватскими усташами.

Во внутренней политике королю Александру I Карагеоргиевичу с самого начала пришлось столкнуться со многими трудностями. Непосредственно после образования Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев пришлось прийти к заключению, что объединение осуществлено слишком рано. Сербы внесли в это объединение весь свой национальный, моральный и военный ореол, в то время как хорваты с самого начала заняли оппозиционную позицию. Таким образом сразу же зародился так называемый «хорватский вопрос». Этот хорватский раздор в большой мере тормозил прогресс государства во всех направлениях. Атмосфера становилась все тяжелее и несноснее. Дело дошло и до выстрелов в Народной Скупштине, и убийства предводителя Хорватской крестьянской партии, Степана Радича, и еще трех хорватских народных представителей. Это привело к тому, что хорватские народные представители и члены Самостоятельной демократической партии вышли из Народной Скупштины. При все обострявшихся отношениях и оппозиции к Белграду, король Александр, 6 января 1929 года, распустил Скупштину, приостановил действие Устава и провозгласил личный режим. Он это сделал с лучшими намерениями и с единственной целью — сохранить тяжело приобретенное единство и территориальную цельность. Если бы пули объединенных преступников не отняли Его жизнь, вероятнее всего, что королю Александру с его решительностью и любовью к стране это бы удалось осуществить.

Во внешней политике король Александр показал бесспорную одаренность, блестящее понимание крупных международных проблем и непреклонное стремление сохранить мир во всем мире. Уже в 1921 г. он создает с президентом Чехословакии Масариком и румынским королем Фердинандом Малую Антанту, цель которой была предотвращать восстановление и возвращение династии Габсбургов к власти в Австрии.

Король Александр и Король Фердинанд на параде по поводу создания Малой Антанты

В 1924 г. в целях консолидации отношений с Италией, подписан пакт дружбы и сердечного сотрудничества, известный под названием «Римский пакт».

Принимая во внимание сердечные отношения между Францией и Югославией, оба государства заключают в 1927 году Пакт дружбы, который имел характер союза.

Через десять месяцев после приостановки действий Устава, 3 октября 1929 г., название Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев заменено названием Королевство Югославия. В тот же день закончен административный раздел государства на девять бановин.

Непосредственно после окончания Первой мировой войны побежденные державы начали поднимать голову и требовать пересмотра «версальских диктатов» и других договоров о мире. Это ревизионистское движение собрало всех побежденных в один лагерь. Король Александр был защитником существовавших договоров. Как раз он, желая сохранить мир на Балканах, больше всего сделал для заключения Балканского соглашения между Югославией, Румынией, Грецией и Турцией. Желанием короля Александра было, чтобы и, Болгария, в общем сторонница пересмотра, примкнула к этому соглашению и ей были бы сделаны некоторые территориальные уступки со стороны ее соседей.

Для укрепления мира в Европе король Александр работал с французским министром иностранных дел Л. Барту на укреплении и усилении существующих Союзов. С этим намерением он отправился в октябре на югословянском военном корабле «Дубровник» в Марсель, где должен был возложить венок на памятник французских солдат, погибших на Восточном (Салоникском) фронте, а затем отправиться в Париж, где ему готовилась торжественная встреча. К сожалению, своей миссии он не выполнил, т. к. сразу же по прибытии в Марсель, 9 октября 1934 года, погиб от преступной руки вышеупомянутого В. Георгиева-Черноземского.

В отношении большевиков и Советского Союза, король Александр с первого момента занял непримиримую позицию. При его жизни, и даже до 1939 г., Югославия не признавала нового режима и не поддерживала с ним никаких сношений.

8 июня 1922 года король Александр женился на принцессе Марии, дочери румынского Короля Фердинанда и королевы Марии.

От этого брака родилось три сына: Петр, Томислав и Андрей. Петр унаследовал престол своего отца и стал Королем Петром II. Коммунисты его свергли с престола и он умер в изгнании 3 ноября 1970 г. После него остался сын Александр.

Король Александр I был великим монархом. На войне герой, в мирное время государственный деятель. Лучшие годы своей молодости проводит на полях сражений около своих солдат, которые его обожали и которых он также обожал. Любил свой народ и народ, сербский, также любил его. Во дворце был настоящим сербским хозяином, презирая блеск и роскошь. Привязан к своей семье и верен ей — он представляет высочайший пример чистоты и безукоризненной жизни, что патриархальный сербский народ, с его высоким понятием о чести и морали, глубоко ценил и уважал. Желал государству и народу только добра, счастья и благополучия и применил даже личный режим, чтобы сохранить единое государство, в фундамент которого заложены кости сотен и сотен тысяч сербских сынов. За границей пользовался также большим почетом, как человек с характером, как надежный друг, верный союзник и способный государственный деятель. Его трагическая смерть искренно опечалила всех друзей, а выражая признание и уважение, пригнули головы и многие неприятели. Крупный французский государственный деятель, Раймонд Пуанкаре, президент Французской Республики в первую мировую войну, и Аристид Бриан, глава правительства и незаменимый министр иностран-

ЗДРАВО, СОКОЛИ!

Серебряный венок от Союза Русского Сокольства

Первый раз о новом государстве — Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, мы услышали в трюме унылой, плоскодонной «Хриси», ползущей по Черному морю из Ялты в Константинополь, от Михаила Яковлевича Якушева. Он делал эти сообщения с благословения директора корпуса, генерала Римского-Корсакова, чтобы, с одной стороны развлечь кадет в их подавленности, а с другой, чтобы дать хоть минимальные сведения о стране, куда мы вероятно попадем.

Мы услышали, что новое государство образовалось из свободной Сербии и бывших провинций австро-венгерской монархии — Хорватии и Словении.

ных дел, считали короля Александра «самым умным монархом нашего времени». Французский маршал Фош, верховный главнокомандующий союзными армиями в первую мировую войну, и вся французская армия видели в нем символ витязя.

Др. Мирослав Спалайкович, бывший посланником Королевства Сербии в царском Петрограде, а после первой мировой войны в Париже, так заканчивает одну свою статью о короле:

«И как человек, король Александр возвышается высоко над остальными и очаровывает всех. О нем один очень высокопоставленный иностранец сказал недавно в моем присутствии:

— Жаль что он Король! Будь Он простым человеком я бы хотел, чтобы Он был моим другом до смерти, настолько Он полон чувства, внимания и сердечности».

Душан Петкович
Бывший секретарь королевского посольства.

Нам объяснили, что новое трехименное государство объединило южных славян, создав для полуофициального обозначения его новый термин — Югославия.

К счастью всего мыслящего человечества и особенно нашему, во главе государства стали представители нации победительницы, — Король Сербии Петр I Карагеоргиевич, и его сын, главнокомандующий сербской армии, принц-регент Александр.

Мой отец, б. командир роты Пажеского Е.И.В. корпуса, случайно попавший в эвакуацию Крымского корпуса в Ялту, когда возвращение в Севастополь было уже невозможно, был со мной в трюме «Хриси» и ему я обязан сведениями о королевской династии Карагеоргиевичей. Для нас русских, самым значительным историческим фактом была неукоснительно твердая руссофильская политика, проводимая наследниками «Черного Георгия», в противовес австрофильским тенденциям династии Обреновичей. В связи с этим, дети короля Сербии Петра I Карагеоргиевича, — Георгий и Александр, учились в России, причем принц Александр был в Пажеском корпусе, в классе воспитателя подполковника Бертельса.

Таким образом, было как бы естественно, что когда старая «Хриси» еще качалась на волнах Черного моря, благородный старый монарх Король Петр I, в согласии со своим рыцарем-сыном принцем Александром и великими сербскими патриотами, — епископом Варнавой и министром Пашичем, решили принять в свое государство, уже приютив первую группу русских кадет в Сараево, также и плавающих еще Крымцев и Донцов. Так последние с юга России кадеты очутились в Стрнище при Птуе.

Далеко от лагеря в Стрнище, — в Белграде, создавалась идея новой объединенной Югославии, но этот дух славянского братства почувствовался нами только после взаимных визитов к мариборским кадетам, остаткам австрийского корпуса, сохранившего только кадет славян, и на уроках сербского языка, который преподавал нам офицер этого корпуса, майор — солунец.

Во второй год нашего пребывания в лагере, мы реально соприкоснулись с идеей Великого Славянства через организацию в Крымском корпусе группы кадет-соколов, под руководством полковника Тихомирова. Идея сокольства, возникшая в славянской Чехии, входившей в состав Австровенгерской империи, несла на своих знаменах освобождение небольшого сла-

вянского народа от владычества германской расы, путем борьбы, создавая в среде славян бойцов за свою независимость. Выработанная Тыршем система сокольской гимнастики, создавала здоровый физический организм, одухотворенный здоровым национальным духом. В Великой свободной России, Матери славянства, идея сокольства была понята и поддержана гениальным Столыпиным, но к сожалению, широкого распространения не получила, будучи применена ввиде лишь системы сокольской гимнастики в военном министерстве и отчасти в средних учебных заведениях.

В России было известно, что тренированные инструктором по сокольской гимнастике, чехом братом Эрбеном, офицеры находившиеся на курсах Офицерской Гимнастической и Фехтовальной Школы, блестяще конкурировали на мировых состязаниях, принося России новую славу. Все это мы узнали от прекрасного гимнаста, полковника Тихомирова, который начал готовить группу для выступления с вольными движениями на слетах, сначала окружном в Мариборе, потом первом после войны всеславянском в Любляне.

Выступление нашей русской группы в славянском Мариборе на стадионе, в числе соколов-словенцев, и прохождение по городу под наш кадетский оркестр, вызвало бурные овации массы горожан и было первым шагом к пониманию значения сокольства в славянской идее. Самое яркое подтверждение этого значения мы получили на Люблянском слете, проходившем в присутствии самого короля-рыцаря Александра.

Вспоминаю радостное волнение, когда в начищенной и выглаженной до пределов, возможных в лагере Стрнище, одежде, под звуки сокольского марша «Наше срце соколяче», гремевшего из блестящих труб, мы выступили на станцию Стрнище при Птуе. Приятный путь в поезде по живописной Словении, и мы прибываем в историческую Люблянy, где со своими победоносными войсками когда-то отдыхал сам генералиссимус князь Суворов.

В Любляне, обычно деловито спокойной, все кипит в преддверии народного праздника. На вокзале нас встретили представители русских соколов, правда еще в форме югославского сокольства. Их мало, но и между ними нашелся достойный представитель, офицер-корниловец, взявший первый приз в беге на большие дистанции. Нас поместили в бараки при станции, где размещена русская колония, дамы накормили нас

скромным ужином, после которого капитан Трусов повел нас на встречу с чешскими соколами в типичную словенскую кавáрну.

Наши чувства к чехам очень противоречивы. С одной стороны, мы видим в них наших самых прогрессивных западных братьев, сотни лет ждавших освобождения от германского владычества при нашей помощи, кроме того, мы, сокола, знаем о работе инструктора Эрбена и гордимся им, но с другой стороны помним, что чешские легионеры увезли через Владивосток наше золото и предали адмирала Колчака. Но эти чувства заслоняются сердечной встречей с группой представителей чешской военной гимнастической школы в новых для нас полуанглийских френчах, которые радушно приветствовали нас по русски и пригласили нас к своим столам Разговоры на этой встрече были только приятны для нашего русского самосознания, а был нам обещан также и приятный сюрприз.

В памяти не сохранилась последовательность событий, кроме самого главного и торжественного. Помню праздничное состояние юношеского духа у меня и у моего друга Юры Щербовича, с которым мы вместе танцевали на русских вечеринках и ухаживали за русскими люблянскими соколками, сестрами Ниной и Женей Бабрецкими. Средневековая, уютная Любляна, чудесный парк Тиволи и грандиозный стадион, — на фоне всего этого готовился наш праздник.

И вот настал высокоторжественный день демонстрации идеи панславянства, выраженной, по мысли Мирослава Тырша, массовыми вольными движениями. В многотысячной массе единиц, где каждая доведена до возможного совершенства, оставаясь индивдиуальной величиной, одна общая цель, общий ритм и в результате — красота и мощь слитной массы.

Это мы чувствовали почти инстинктивно, выходя в массе югославских соколов на поле огромного стадиона. Сложное захождение, с непонятными для нас остановками, вызывали восторги и овации зрителей. Потом мы узнали, что наши огромные колонны, непонятно для нас замиравшие на месте, образовывали гигантские буквы «С.Х.С.».

Но вот мы разведены по местам, покрыв все поле красочными рядами с сочетанием синего и белого цветов наших костюмов. В общей тишине все замерли, лицом к главной трибуне. В моей памяти с благоговением возникает только одна точка на главной трибуне, где видна только одна фигура в

форме — это король Александр. В полной тишине ясно раздается его голос: «Здраво, соколи!» — Думаю, что ответное могучее «Здраво!» звучало как взрыв атомной бомбы, а я с трудом стоял на ногах от переживаний этого исторического момента, когда последний славянский государь символически приветствовал великую идею славянского братства, для которой пожертвовал собой святой русский император.

Вольные движения под музыку, местами заимствованную из гениальных композиций Чайковского, прошли для меня как в тумане. Мы были распущены из колонн и сидели на стадионе уже как зрители. Настает самое ожидаемое всеми нами выступление Чешской Военной Гимнастической Школы. Большой стадион пуст, музыка молчит. Из ворот стройно выходит небольшая плотная группа соколов и вдруг, громко, отчетливо и до слез прекрасно, раздалась и зазвенела песня — «За Уралом, за рекой, казаки гуляют» Лучшего вклада в праздник славянского объединения, в присутствии нашего обожаемого короля, бывшие чешские легионеры в России не могли внести!

Апофеозом сокольского праздника было наше участие в торжественной процессии. Огромный русский флаг перед русской колонной нес, похожий на Илью Муромца, Роман Константинович Дрейлинг, сокол первого, основанного в Югославии, сокольского общества в Земуне. За ним шел наш прекрасный оркестр, а после него, украшая русскую колонну, группа былой славы России, молодецкий Кубанский войсковой казачий хор в черных черкесках. За кубанцами шли в гимнастических костюмах кадеты-сокола Крымского и Русского корпусов, первый раз в истории зарубежных корпусов в общем строю *).

*) В августе 1922 г. на Слете участвовало 25 кадет Рус. Кор. под начальством полковника Барышева.

Прошел праздник, прошла почти уже вся жизнь и сейчас, когда в минуты мысленного возвращения в прошлое, вспоминается пережитое красивое, возвышенное, священное, в памяти встает поле покрытое соколами славянами, напряженная тишина огромной массы зрителей на стадионе, а в королевской ложе одинокая фигура в военной форме и королевское приветствие — «Здраво, соколи!»

Андрей Бертельс-Меньшой
II вып. Крымского кад. корпуса.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Глубоко верю, что еще много по миру разбросанных живых свидетелей — кадет 1, 2, 3, 4 и 5 выпусков Русского Кадетского Корпуса. Хотелось бы напомнить, а не пережившим, рассказать о незабываемых встречах нашего Корпуса с горячо любимым нами Монархом.

Вскоре после переезда, собранных со всех сторон, кадет в Сараево в 1920 году, когда наш Корпус еще назывался сначала «Русским Кадетским Корпусом в Сербии», а затем, до 1-го октября, «Русским Киево-Одесским Кад. Корпусом»,, директор получил приглашение от генерала Хаджича участвовать с вверенным ему Корпусом на параде в честь прибытия в Сараево Регента Александра.

Въезд Регента Александра в Сараево в 1920 г.

Директор Корпуса, генерал Адамович, объявил об этом кадетам, построенным на плацу. Помню возбужденное, радостное настроение, охватившее наши души и усердные, ежедневные репетиции парада на нашем плацу. Прохождение колоннами, вздвоенными рядами, разные перестроения на ходу с неожиданными переменами направления строя, и многие внезапные команды. Так муштровал нас каждый день лично генерал Адамович. Наша вторая рота по правилам не имела фельдфе-

беля и многие кадеты были удивлены, а больше всех был поражен я, когда генерал Адамович снял меня с правого фланга роты и назначил фельдфебелем, успокоив, что это назначение только временное и нужно только на время парада. Стоять на известном расстоянии позади построенной роты, в одиночку, маршировать «сиротой» на дистанции после последних рядов колонны, кому это понравится, но разве можно было выразить неудовольствие? Наконец репетиции достигли блестящих результатов и настал долгожданный день парада.

Не буду описывать парада, о котором уже часто писалось. Успех был поразительным, Регент Александр изволил выразить свою похвалу генералу Адамовичу и пожелать дальнейшего успешного развития жизни Корпуса в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Позже генерал Адамович, генерал Старк и полковник Розанов были награждены боевым орденом Белого Орла с мечами. Разве это можно забыть?

Со счастливым чувством своего достоинства от успеха на параде — нашей первой встречи с Е.В. Регентом Александром, мы вышли на дорогу, ведшую в город, и запели песни. Возвращались по центральным улицам города с песнями, под одобрительные возгласы публики: «Да здравствуют русские кадеты!»

Вторая встреча была гораздо короче первой и без парада. В конце 1922 г. нам сообщил ген. Адамович, что Король Александр будет проезжать из Илиджи по улицам города в здание магистрата. Войска будут расставлены шпалерами по обеим сторонам улицы и наш Корпус будет участвовать в охране пути Короля. На этот раз не было никаких репетиций. Ген. Адамович только несколько раз проверил ответы кадет на возможные приветствия Короля и сделал наставление, чтобы каждый кадет был очень внимателен к особам из публики, которые бы попытались проникнуть через строй на середину улицы во время проезда Короля. Выйдя из здания Корпуса, прошли городской сквер, перешли «Принципов» мост и заняли участок на набережной реки Миляцки, построившись в шеренгу по обеим сторонам улицы. Мост назван в честь сербского национального героя Гаврила Принципа, который в 1914 г. на этом месте убил Австрийского принца Фердинанда и его супругу и это послужило началом Первой мировой войны. На углу на стене здания прибита мраморная доска с надписью: «На этом месте в 1914 г. Гаврил Принцип возвестил свободу». Стоишь на этом месте и назойливая мысль сама

лезет в голову — здесь началась постройка памятника красивому и любимому прошлому нашей Родины. Это было не особенно приятно, тем более, что игрой беспощадной судьбы из казармы в которой помещался Корпус, из окон коридора третьего этажа, ясно был виден этот Принципов мост, постоянно напоминающий о нашей трагедии — довольно часто такие грустные мысли рождались у кадет, сильно тосковавших по Родине. Предстоящий проезд Короля сглаживал грустные мысли о Родине, но нагонял тревожные мысли опасения о возможности повторения покушения на этом самом месте. Ведь не даром ген. Адамович впервые предупредил быть особенно внимательными и не пропускать через строй никого из публики. К счастью мы не долго стояли на этом месте. Какие-то штатские люди подошли к ген. Адамовичу и что-то ему сказали. После этого раздалась команда «Смирно», соединили шеренги во вздвоенные ряды, повернули направо и скомандовали «Бегом марш!» Бежали стройно, отбивая шаг, по узким улицам турецкого базара по направлению базарной площади. Здесь нас остановили построили опять в две шеренги по обоим сторонам проходящей в середине площади дороги и разрешили «стоять вольно». По каким-то причинам маршрут проезда Короля был изменен. В толпе, стоявшей за нашими спинами, шептали об аресте каких-то заговорщиков... Не хотелось верить слухам, но настороженность наша увеличилась.

Стояли очень долго. Затем издали стали доноситься клики толпы «Да здравствует король!» Крики быстро приближались, становились громче. Раздалась команда «смирно» и мы увидели приближающийся открытый автомобиль с Королем. Поровнявшись с нами, Король поздоровался по русски — «Здравствуйте кадеты» — ответили громко отчеканивая, как один, и закричали «Ура!» Автомобиль довольно быстро скрылся за поворотом. Народ продолжал кричать «Живео Краль!» — всякая мысль о возможности покушения исчезла из наших душ. Возвращались весело и с песнями, а народ по пути нашего следования аплодировал и громко кричал «Да здравствует Россия, да здравствуют кадеты!»

С приятным чувством вернулись в Корпус и были очень обрадованы разрешением директора идти в отпуск до вечера.

С тех пор, много выпусков кадет дал Русский Кадетский Корпус в Сараево. Минуты, казавшиеся бесконечными на уроках в классах, превратились в годы, проходящие с незаметной быстротой. Народ Югославии, к которому автоматически при-

соединились и наши, окончившие Корпус, искренне радовался женитьбе Короля на румынской принцессе Марии, и рождению трех сыновей — престолонаследника Петра и принцев Томислава и Андрея, восхищались мудрому решению назвать своих сыновей именами сербским, хорватским и словенским, и казалось что любовь, верность, и преданность своему вождю сковала сердца Югославянского народа.

Гром, разразившийся из чистого голубого неба меньше бы поразил население Югославии, чем известие о трагической гибели Короля в Марселе.

В октябре 1934 года гроб с телом Монарха был перевезен морем из Марселя в Сплит, а оттуда поездом, через всю страну, в Белград для погребения в королевской усыпальнице в Опленце. По дороге гроб был выставлен в Загребе перед железнодорожным вокзалом, чтобы дать возможность населению попрощаться со своим Королем. Это был последний парад Его Величества. С раннего утра до поздней ночи мимо гроба проходили войска, процессии народа. У всех были глаза полные искренних слез. С обоих сторон гроба образовались горы возложенных венков и цветов. Многие становились в стороне на колени и молились. Несмотря на толпы народа, царила мертвая тишина, нарушаемая только глубокими вздохами. Среди проходящей толпы шла группа бывших кадет, грустно опустив головы, а позади этой группы тоскливо брел я, фельдфебель первой встречи, но на этот раз с охватившим меня отчаянием от сознания, что мы прощаемся не только с любимым Королем, но и с Его покровительством и великодушным гостеприимством и что это последняя встреча.

Леонид Буйневич
IV в. Рус. Кад. Кор.

МАРСЕЛЬСКОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ

"Я могу Вас уверить, что никогда не изменятся Мои чувства по отношению к Нации, которой я обязан вечной благодарностью и эту благодарность ничто не может ослабить..."
(Из письма кор. Александра — В. Н. Штрандману).

Был февраль 1920 года... Под натиском красных полчищ героическая Белая Армия отходила к Черному морю... Шла эвакуация Новороссийска... С большим трудом моей матери удалось получить несколько «мест» в трюме огромного английского угольщика Браунфельс, шедшего на о. Лемнос. На пароходе кроме женщин, детей и полных военных инвалидов, ехала группа сербских офицеров под командой пехотного полковника. И вот, уже в море, помощник капитана оскорбил безрукого инвалида, ударив его! Единственной реальной силой на Браунфельсе была сербская группа, и полковник, немедленно потребовав чтобы виновник принес свои извинения, от имени регента Александра предложил всем беженцам парохода приют в королевстве СХС! Быть может это был только жест, лишенный реальности, но жест благородный! Судьбе было угодно чтобы мы действительно попали в Сербию, через 9 месяцев (после Крымского исхода), а регент Александр вскоре стал королем СХС и пирютил в своей маленькой, бедной и разоренной войной стране десятки тысяч русских людей.

Прошли годы... Сотни юных русских изгнанников, закончив образование, стали полезными гражданами новой славянской нации... И вдруг, неожиданно для многих из нас грянул гром «из ведрог неба»: 9 октября 1934 года в Марселе был убит рукой подосланного злодея Александр I, король Югославии, верный друг национальной России, Русского народа и русской национальной эмиграции. Не было слов, чтобы описать тот ужас, скорбь и отчаяние в которое погрузилась не только вся Югославия и вся русская эмиграция, но и все славянство и весь культурный мир. (из сообщений русской печати того времени).

И вот, с тех пор пронеслось целых 40 лет, и многое изгладилось из нашей памяти, а особенно после урагана 2-ой Мировой войны разметавшей нас, «русских югославян» по всем медвежьим углам земного шара! И теперь, после сорока лет,

вспоминая события того времени мы, тогда еще юные свидетели драмы постигшей страну, которая нас приютила и заменила отчий дом, жадно глотали на страницах периодической печати скудные факты, прикрашенные целыми столбцами газетной отсебятины, официальным искажением фактов, так и не узнав настоящей правды!

В 1969 году в мои руки неожиданно попали документы имеющие связь с покушением на короля Александра! Несколько позднее, в 1970 и 1972 годах будучи продолжительное время в Югославии, решили мы с супругой отправиться на Опленац [1]), поклониться праху безвременно погибшего монарха. И, после весьма интересной встречи в Тополе, вернулся я в Белград с большим запасом информаций, касающихся Марсельского злодеяния.

К этому времени страсти сильно улеглись, и на многое стали смотреть иными глазами, и трагедия в Марселе получила новое, реальное освещение. Прошлым летом (3 июня, 73) в Новом Русском Слове была напечатана статья, популярного типа: «Выстрелы в Марселе», обилующая многими неточностями и просто фантазией.

Бывшим Кадетам Зарубежных Корпусов, а особенно Княже-Константиновцам, память о погибшем кор. Александре должна быть дороже и ближе, чем кому бы то ни было из русских. А поэтому я и решил приступить к работе, с целью напечатать ее в Перекличке, приурочив к 40 летию злодеяния. А когда начал разбирать материалы, то буквально пришел в ужас! В истории современной криминологии ни одно покушение на монарха или главу государства не было так заранее известно, установлено точно время и место покушения, выяснены личности исполнителей — и покушение все-таки не было предотвращено!

Не было! Из-за преступной небрежности и легкомыслия французских государственных деятелей и полиции, к которой кор. Александр питал неоправданное доверие. История же организации заговора на югославянского монарха, его методическая и детальная подготовка, количество исполнителей и людей, тем или иным способом причастных к трагическим событиям настолько велико, а само злодеяние задумано с таким

---

[1]) Собор на Опленце — усыпальница династии Карагеоргиевичей, а в настоящее время вся "Задужбина" превращена в национальный музей.

дьявольским хладнокровием и садизмом, что не может быть сравнено ни с одним из самых нашумевших и сенсационных криминальных романов нашей эры.

Почти что с самого основания СХС среди хорватской интеллигенции появились лица, по тем или иным причинам разочаровавшиеся в своей, чисто славянской новой родине (веками они были приучены к немецкому владычеству), возненавидевшие ее и решившие любой ценой добиваться создания Велико Хорватии на развалинах СХС. Движение это возглавил адвокат Анте Павелич, человек очень консервативных взглядов, впоследствии ставший главой («поглавником») НДХ (Независна Држава Хрватска), которая фактически никогда независимой и не была! Павелич был человеком с большими странностями, крайне неуравновешенным, с неограниченными амбициями и особым умом не отличался. Его можно было назвать фантазером: он мечтал и в свободное время работал над созданием перпетум мобиле! [2])

После гибели Степана Радича часть оппозиционеров ушла в подполье, а другая заграницу, и их активность усилилась.

Павелич и его покровители отлично понимали, что при жизни кор. Александра, твердо стоявшего за кормилом государственного корабля, нельзя ничего добиться. А поэтому целый ряд лет был посвящен заговорщиками методической подготовке насильственной ликвидации Югославянского монарха. И когда, внутри страны, эти силы потерпели фиаско, то решено было перенести деятельность заграницу и дожидаться подходящего случая.

Конечно, без всесторонней поддержки заграничных врагов Югославии, дьявольский замысел был неосуществим. И помощь пришла из правых кругов: от Муссолиниевой Италии, Хортиевой Венгрии, Борисовской Болгарии (только вначале), и, в меньшей мере, из Австрии и Германии. Все это хорошо было известно Югославянскому правительству, и его контрразведка тоже не дремала. По счастливой случайности в конце двадцатых годов начальником югосл. политической полиции заграницей, с главной задачей вести наблюдение за членами УХРО (Усташка Хрватска Револуционарна Организация)

---

[2]) Отличался Павелич и невероятной жестокостью. В своих воспоминаниях итальянский писатель Малапарте (*Kaputt, N. Y.*, 1946), посетивший его в Загребе писал, что увидел у поглавника в кабинете огромную карзину с устрицами. Заметив его испытующий взгляд Павелич преспокойно пояснил, что это 20 килограмм человеческих глаз — подарок его преданных усташ. Это же подтверждает и К. Фотич в *The War We Lost, N. Y.*, 1948.

был назначен выдающийся, по своим способностям, человек. Его звали Владимир Миличевич. Это был прирожденный полицейский, обладавший даром никогда не забывать лиц преступников, которых он видел или допрашивал. С самого начала своей деятельности он создал т. н. «Усташки альбом», в котором собирал фотографии террористов и досье на каждого. Впоследствии этот альбом сыграл немалую роль в выяснении личностей преступников-усташей.

Своей штаб-квартирой Миличевич выбрал Вену, и первой задачей себе поставил: проникновение во все усташкие ячейки, с целью иметь там своих агентов-информаторов. В этом деле он достиг исключительного успеха. Теперь посмотрим: при помощи кого, как и где были основаны антиюгославянские террористические организации? Поначалу Павелич развил свою политическую активность в Вене, но югославянским властям удалось, без особого труда, добиться его высылки. Получив в Итальянском посольстве фальшивый паспорт на имя Антонио Сердар, Павелич отправился в Верону, где к нему присоединилась жена Мара с детьми. И с этого времени УСТАШКОЕ движение начинает свою подрывную работу под полным покровительством ОВРА (Итальянское Гестапо) и самого Мусолини. УХРО была основана в 1930 году, а «устав» и цели сформулировались в 1932-1933 годах: создание «Независне Државе Хрватске» во главе с вождем-ПОГЛАВНИКОМ — АНТЕ ПАВЕЛИЧЕМ. И несмотря на то, что в идеологическом отношении УХРО копировало чернорубашечников Мусолини, в организационном отношении все было перенято от ВМРО (Вотрешна Македонска Революционна Организация). Цели этой террористической группировки, чей шеф (лидер правой фракции) Ванча Михайлов, и поныне «здравствующий», были довольно туманны: Македония — для македонцев. Во всяком случае македонствующие засылали в Югославию своих «комитов», и стремились к отделению большой территории.

В Италии Павелич встречается с «представителями» Михайлова — И. Хаджовым и Г. Кондовым, которые дают поглавнику «дельные» советы. Но сам Павелич, которому всесильная ОВРА выбрала местом жительства старинный город Болонью (так будет ближе к югославянской границе), не может ничего делать или предпринимать без разрешения «инспекторе дженерале» др. Эрколе Конти, специального уполномоченного итальянской тайной полиции. Канал связи с Югославией находится в руках др. Елича. Центры для приема

эмигрантов-террористов: Триест, Задар и Риека (Фиуме). В организационном отношении УХРО представляла из себя обыкновенную конспиративную террористическую группу людей, лишенных всякой морали, добивавшихся своей цели любыми средствами. Не обошлось и без ритуального мистицизма: каждый усташа должен был приносить присягу поглавнику на кресте, бомбе и револьвере (поистине «замечательное» сочетание). И с этого момента Павелич становится неограниченным хозяином жизни и смерти своих молодчиков.

Первый террористический лагерь был основан в провинции Брешия, в 1931 году. Шла «работа» в Ю. Америке: оттуда приезжает, среди других, и Иван Раич, член «парижской» двойки атентаторов [3]). Основывается небольшой центр в Берлине. Венский «филиал» особой активностью не отличался и Миличевичу, без особого труда, удается добиться высылки нескольких лиц. Правда, в Австрии как раз и начал плести свою паутину «правая рука» поглавника Густав Перчец, но потом он перекочевал в Венгрию. Правительство Хорти делает все возможное для организации усташких групп на своей территории, о чем югославянская полиция узнает с некоторым запозданием. Но вскоре ей удалось завербовать и послать туда замечательного агента в лице Елки Погорелец, любовницы шефа лагерей — Густава Перчеца. Вблизи Югославянской границы, на ж.-д. линии Мура-Крстур, Перчец получает хутор под названием Янка-пуста. По существу это был своего рода концлагерь так как возврата из него не было: только в могилу или на исполнение террористических актов. Непокорные или пытавшиеся бежать (а таких было порядочно) выводились немедленно «в расход»! Летом 1932 года в Янка-пусту приезжают два «знатных» инструктора из Болгарии, члены ВМРО — Глигор Милчинов и Влада «шофер» — Георгиев Черноземски, будущий убийца короля.

Миличевич из своей штаб-квартиры в Вене раскидывает целую сеть контрразведчиков и его люди проникают почти что во все ячейки и организацию УХРО (вплоть до главного центра). Елка Погорелец, главный агент на Янка-пусте была завербована «классическим» способом. Будучи еще в Югославии Густав Перчец соблазнил Елку, которая в то время была

---

[3]) Это сербское слово, перешедшее из франко-немецкого словаря лучше всего определяет значение "потенциальный убийца", а поэтому и будет нами употребляться в этой работе!

еще несовершеннолетней и отличалась большой красотой. Прижив с ней ребенка, и бежав заграницу, Перчец оставил Елку на произвол судьбы. Затем он начинает посылать ей письма уговаривая присоединиться к нему на Янка-пусте — одной. Этим обстоятельством и воспользовалась югославянская полиция. Миличевичу удается завербовать Елку, отправив ее с одной немецкой «кабаретской» группой заграницу. Через подставных лиц правительство взяло на себя полную заботу о Елкином ребенке. И почти что до конца 1933 г., до ее бегства из Венгрии и возвращения на родину, Елка Погорелец, через специальных агентов, снабжала Миличевича не только нужной информацией, но даже и фотографиями. (К сожалению, перед покушением, когда Бзик приехал в Надж Канижу, чтобы забрать атентаторов, Елки уже там не было!) В октябре 1933 года вышла сенсационная брошюра Погорелец: «Тайна эмигрантских преступников — ужасы Янка-пусты. Исповедь Елки Погорелец». А вскоре исчезла «правая рука» поглавника — Густав Перчец, ликвидированный своим шефом.

Вершиной успеха югослав. полиции является поимка в свои сети главного информатора и шпиона в «верховном штабе» Павелича, и похожа вся эта история на криминальный роман! Имя этого агента АНТЕ ГОДИНА, и существуют сведения, что теперь он еще доживает свои дни, как богатый «рентье» где-то в Ю. Америке. И Година был не простым усташей, а доверенным поглавника, членом «штаба покушения», заместителем главного организатора Дидо Кватерника. Как же Миличевичу удалось захватить в свои сети такую крупную рыбу? Помог случай и находчивость полиции! Все дело началось с заседания начальников всех отделов полиции в Белграде. Шеф отделения по борьбе с контрабандистами наркотиков сообщил, что его агенты открыли следы большой шайки, которая тайными каналами доставляет с Востока в Скопле опиум, где есть «фабрика» для переработки сырого материала. Затем наркотики сплавляются через Белград, Загреб и Риеку (Фиуме) за океан. Был прочтен список главарей шайки, и, когда Миличевич услыхал имя Анте Година — он буквально подскочил! Этот субъект находился у него на «почетном месте» в усташком альбоме, и был доверенным самого Павелича.

В интересах защиты государства Миличевич потребовал, чтобы все дело контрабандистов было передано ему, что неохотно исполнили. О Године в полиции имелось уже толстое

досье. Он приехал из Чикаго, где был личным телохранителем Ал Капоне. Мать «короля» американских бандитов и родители Годины слыли замляками: из Фиуме и Истрии. Еще в Чикаго, искренно, а скорее для маскировки, Година стал членом усташкой организации и быстро втерся в доверие к самому Павеличу. В то время бутлегерские дела в СШ кончились, мафия искала других источников дохода, и Година был отправлен в Европу, чтобы стать во главе Балканских контрабандистов опиума. По приказу Миличевича немедленно арестовали только одного вожака шайки и заставили его написать письмо Године, требуя свидания с Миличевичем, на нейтральной почве, в Вене, иначе... Свидание состоялось летом 1932 года и Миличевич предложил следующий «джентльменский» договор: югославянские власти «закроют совершенно глаза» на работу контрабандистов, а Година взамен будет доставлять югославянской полиции сведения о том, что творится в УХРО. (В некоторых кругах противились этому договору, считая его неморальным, но Миличевич выставил очень важные аргументы: династия и государство в опасности, а получая сведения из центра террористической организации — легко будет нейтрализировать все их действия. Шаг был совершенно верным, если бы не подвели французы). В противном, заявил Године Миличевич, мы пошлем Чикагской мафии такие сведения, после которых ни вам, ни вашей красивой супруге не сносить головы. Година немедленно согласился (что еще раз подтверждает теорию, что его усташи не особенно-то интересовали) и, по утверждению Миличевича, доставлял югославянской полиции неоценимую информацию. Ведь супруги Година были членами атентаторской группы и везли отдельно от остальных бандитов оружие, от которого погибли король, Барту и другие лица.

Кроме профессиональных агентов-информаторов (особенно отличился хорват-полицейский Шарич, который находился как «усташа» в одном из лагерей Италии) югославянская политическая полиция имела и других, добровольных сотрудников, из среды немногочисленной усташкой интеллигенции, разочаровавшейся в грязной работе поглавника, и из патриотических соображений дававших свою информацию. Из них назовем Петра Грубера, журналиста; Анте Бубала, адвоката, работавшего у будущего министра НДХ — Будака, Сакс-Петровича (члена УХРО), скрывавшегося под псевдонимом «приятель» и т. д.

Собрав всю нужную информацию Югославянское правительство заявило официальные протесты Италии и Венгрии. И началась игра «в кошки и мышки»! Итальянцы стали перемещать лагерь террористов из одного места в другое, чтобы замести следы. Венгерские власти после ноты протеста и разоблачений Погорелец «ликвидировали» Янка-пусту, на самом же деле просто расселили усташей в Надж Канижу, Анна-пусту, Буза-пусту и в замок Лагинок. (Всего около сотни террористов). Из этих новых мест и тронется атентаторская тройка (кроме Величка Керина) в Париж и Марсель.

Всем известно, что первыми актами саботажа усташей — было подкладывание мин в международные поезда, идущие по направлению Югославии. Результатом этих действий было известное количество невинных жертв, но при сотрудничестве австрийских властей этот способ терроризма удалось ликвидировать.

Наконец УХРО решило устроить покушение на жизнь короля, во время его посещения Загреба, во второй половине декабря 1933 г. Мало кому из нас было это в свое время известно, и что монарх избежал чудом гибели. Провалившаяся попытка в Загребе являлась своего рода «репетицией» для Марселя, и все ошибки террористов в Хорватской столице они учли в Марселе. Как только Павелич узнал о поездке кор. Александра в Загреб, он отобрал в итальянском лагере Боготар двух бандитов: Петра Ореба и Иву Херенчича. Их заблаговременно перебросили через границу [4]) и они отправились в Загреб. Миличевич сразу же получил от своего информатора телеграмму следующего содержания: «Два террориста уже на пути в страну с целью убить короля». Об этом срочно было сообщено в Белград и Загреб. Накануне королевского визита Миличевич снова получил депешу, теперь уже от самого Годины: «Атентаторы находятся в Загребе. Штосова улица № 4» Но и на это сообщение Драги Йованович (будущий «Управник Града Београда» во время немецкой оккупации), ответственный за безопасность короля, и вообще опытный полицейский, обратил мало внимания.

Первый день посещения короля Александра прошел как будто бы благополучно. На самом же деле монарх был на волоске от смерти. На другой день, для очистки совести, Драги Йованович послал, к счастью очень опытных сыщиков, прове-

[4]) Они перешли ее на лыжах, маскируясь под спортсменов.

рить: кто же все-таки находится на Штосовой улице, дом № 4? В результате обыска один из полицейских оказался убитым, а другой, по имени Лечич, хотя и будучи раненым, все же стреляя продолжал преследовать бандитов, которые и были схвачены. Это оказались разыскиваемые полицией Ореб, Бегович и Погорелец. Позднее выяснилось, что среди высших полицейских чинов Загреба: др. Видали и еще двое уже давно сотрудничали с усташами, саботируя работу полиции. Они до 1941 года не были открыты и др. Видали стал «шефом кабинета» зловещего Кватерника.

Схваченный Ореб на допросе показал (а в те времена с преступниками, чья виновность считалась неоспоримой, не особенно-то «миндальничали»), что в первый день приезда короля он с револьвером и бомбами поджидал монарха на Елачичевом Тргу, но когда увидал и услыхал ликование толпы, по мере приближения королевского автомобиля, рука его дрогнула и он не решился на злодеяние. Трудно установить — говорил ли он правду, или желал покрыть себя. Во всяком случае стрельба на Штосовой улице исключила всякую возможность покушения, которое предполагалось повторить на другой день. И после этого случая в стране началась такая охота на всех, подозреваемых в сотрудничестве с усташами, что Павелич решил переменить тактику, и попытаться убить кор. Александра во время его заграничной поездки. А случай представился и даже очень скоро!

К середине тридцатых годов политическая обстановка в Европе начала осложняться новыми группировками. Англия и Франция были заинтересованы в сохранении Югославии, так как, благодаря своему географическому положению, она являлась важным фактором для задержки Итальянского продвижения в районе Средиземного моря, и служила барьером для немецкой экспансии к юго-востоку. Между тем Франция постепенно начинает терять свой престиж на международной политической арене. Все громче звучат голоса так наз. блока ревизионистов: Италии, Венгрии и Болгарии. Но Франция, используя известные расхождения между Гитлером и Муссолини, старается перетянуть Италию в свой лагерь, готовая даже пожертвовать интересами своего старого и верного союзника — Югославии. Традиционно связанный с Францией, кор. Александр стремится усилить свою активность на Балканах, как бы в виде предупреждения Франции. В феврале 1934 года подписывается Балканский Пакт, и той же осенью король едет

в Софию для окончательного примирения двух соседних славянских государств. Усиливается активность Малой Антанты, главной оси югославянской иностранной политики.

После долгой личной переписки, югославянский монарх приходит к заключению, что с Италией нет никакой возможности достигнуть какого бы то ни было соглашения, а особенно после подписания т. н. «Римских Протоколов» между Италией, Венгрией и Австрией. После посещения Барту Белграда не было вообще объявлено коммюнике: во французско-югославянских отношениях появилась значительная трещина! Все выше перечисленные причины заставили короля Александра тронуться в путь на верную гибель.

Летом 1934 года отношения с Мусолини значительно ухудшились: дуче отлично понимал, что король Александр является главным препятствием его экспансии на Балканах. И мечтая о создании «Империя Итальяна», он определенно домогался аннексии доброй половины Далмации, чего и достиг на короткий срок в 1941 году, предательством Павелича. Как и поглавник, Мусолини был абсолютно уверен, что со смертью кор. Александра, Югославия немедленно распадется, и в этом убеждении кроется ключ к Марсельскому злодеянию. Итальянские и Югославянские газеты летом и осенью 1934 г. атаковали друг друга [5].

Теперь займемся таинственной русской графиней «Надей», личность которой нам не удалось установить. Дело в том, что кор. Александр, а особенно королева Мария, были людьми довольно суеверными и прибегали к советам астрологов и гадалок. Мы не находим в этом ничего предосудительного. Такие люди, как Пушкин и Лермонтов, отличавшиеся исключительной храбростью и часто любившие, по пустякам, рисковать своей жизнью, не раз пользовались услугами гадалок (Знаменитая Петербургская гадалка Кирсгоф напророчила Пушкину «смерть от белого человека», а Лермонтову, что «ожидает его такая отставка, после которой он уже ничего просить не станет»). И очень близкая ко двору графиня «Надя» отличалась способностью точно предсказывать будущее! Она утверждала, что ничего не случится с королем в Болгарии (хотя в то время еще очень опасались террористов ВМРО), но о поездке во Францию у нее было совсем другое мнение.

---

[5]) Нашумевшая статья в Белградском "Време" "Юнацима са Капорета", по Робертсу, была написана самим королем!

Она предсказывала королю Александру: «смерть на колесах»! Гадалка советовала королеве Марии — не сопровождать супруга «в опасный путь»! Предсказал своему монарху смерть и один из его верноподданных, простой черногорский крестьянин Вуканович. Увидав, во сне, ясно гибель своего «господара», он послал ему немедленно короткое письмо: «Не уезжай, так как живым не вернешься»! (Письмо это было позже найдено в дворцовом архиве) [6].

Как только король Александр начал собираться в путь, в ГУСе (Главни Усташки Стан) приступили к разработке плана покушения. Агенты Миличевича забили тревогу. Прислал предупреждение и Сакс Петрович, которому Павелич лично сказал: «Мы подготовляем покушение на Александра». Похожие сведения доставлялись и военной контрразведкой (полк. Плавшич). Министр внутренних дел Жика Лазич, сразу же оценил создавшееся положение и доложил, не медля, премьеру Узуновичу. По мнению Лазича французская полиция не была в состоянии обеспечить безопасность короля и необходимо было послать своих людей. Узунович, выслушав министра, заметил следующее: «. . . Денег в кассе нет... платить нужно в долларах... идите к кор. Александру...!»

Министр Лазич обо всем доложил королю, и вот какой ответ он получил: «Сообщите все то, что Вы мне только что сказали французскому послу и потребуйте от Франции взять на себя полную гарантию и ответственность. Кроме того, г. Лазич, французская полиция лучше нашей. Положитесь на тех, кто знает дело лучше нашего»! Решение это было фатальным и министр Лазич очень был обижен за себя и за югославянскую полицию.

А теперь перенесемся на «гоголевские места» в Риме, на прелестную Пьяцца Ди Спанья и Виа Систина, где, в гостинице Континенталь кипела работа «мастеров заплечных дел». Как только стало известно о поездке короля во Францию из Болоньи были немедленно вызваны Павелич с Кватерником, а также приехал и Ванча Михайлов с майором Тимовым. Специальный представитель итальянской тайной полиции др. Конти сообщил всем собравшимся приказание: покушение на югославянского монарха состоится не в Болгарии, а во Франции. Был создан следующий план: 1) Покушение будет на

6) В 1933 году Загребский астролог Франц Бастел также предсказал гибель короля Александра в 1934 году!

французской земле, 2) Будут приготовлены два «тима» убийц, чтбоы в каждом было по одному усташу и одному члену ВМРО, 3) убийц нужно выбрать из лагерей Венгрии и 4) Руководство покушения поручается Павеличу... Участие членов ВМРО, до некоторой степени, покрывало Италию. (В это время царь Борис, шедший на примирение с Югославией, приказал произвести массовые аресты македонствующих и сам Михайлов едва спасся бегством в Турцию).

После ликвидации Перчеца правой рукой Павелича стал Дидо Кватерник, «великан с мутными рыбьими глазами», зверь в образе человеческом. Позднее собственный отец так охарактеризовал родного сына: «Это не был мой сын, это было чудовище, способное убить свою мать»! Кроме него в ГУС входил Мие Бзик, закоренелый преступник, ликвидатор непокорных в усташких лагерях, затем Анте Година, «красавец из Чикаго», бывший телохранитель Капоне, шеф банды контрабандистов опиума на Балканах и подневольный шпион югославянской королевской полиции. Можно еще упомянуть Др. Будака (будущего министра просвещения и «Богоштовля» в НДХ. Как этот господин мог сочетать свои кровавые дела с почитанием Бога — трудно понять!). В Вене подвизался барон Перчевич, ведший все время переговоры с Миличевичем — за сколько продаться, чтобы стать шпионом югославянской разведки. Увы, государственная касса не имела на это денег! Наконец необходимо упомянуть и о кровавом др. Артуковиче, проживающем и теперь где-то в Калифорнии.

Ожидая, с гибелью короля Александра, полного развала Югославии, Павелич начал укладывать уже свои чемоданы, находясь непрерывно в каком-то трансе, и вся организация покушения легла на Кватерника. Операция должна была носить название «Листопад». Таким образом организатором Марсельского злодеяния не был поглавник Анте Павелич, а «аматер-виртуоз» Еуген Дидо Кватерник, во время НДХ начальник Усташке Надзорне Службе (Хорватского Гестапо), загубивший в своих застенках сотни тысяч православных и иудеев.

ГУС отдает распоряжение Бзику отправиться в Венгрию за убийцами и доставить их во Францию. И тут югославянская контрразведка делает промах, теряя несколько драгоценных дней. В то время как агенты Миличевича, точно зная о «миссии» Бзика, поджидают его на обратном пути в Вене, террористы выбирают другую дорогу. Године поручается по-

заботиться об оружии, которое он несколько позже повезет со своей женой и доставит на места покушений.

Нужно заметить, что во время конспиративной встречи в Риме Ванча Михайлов заявил заговорщикам: «Уступаю вам Владу шофера. Без него ничего не выйдет. Этот и родного отца убьет»! Его предложение было принято Павеличем с «благодарностью». Влада шофер действительно водил когда-то автомобиль, но уже давно сменил эту, мало доходную профессию, и стал наемным убийцей. Его настоящее имя было: Величко Мидитров Керин, с тремя фальшивыми фамилиями: 1) Влада Георгиев Димитров-Черноземски (Болгария), 2) Рудольф Сук (Италия) и 3) Петар Келемен (Франция), 1897 года рождения. Величко Керин вступил в ВМРО во время первой мировой войны и славился как хороший снайпер, загубивший не одну сербскую душу. Он принадлежал к правой фракции ВМРО, и в 1924 году, по приказанию Михайлова, убил коммуниста-депутата, лидера Болгарского «Собрания» (Парламента) Диму Хаджиева. Про себя Керин говорил, что он принадлежит к религиозной секте «Даневистов», а поэтому не пьет и не курит. (Таким образом совсем ошибочно утверждение о том, что Керин был коммунистом). Амнестированный в 1932 году, Керин отправился сначала на Янка-пусту, а затем в Италию, в распоряжение Павелича.

Во избежание ошибки Ореба в Загребе, Кватерник решает, чтобы в каждом атентаторском тиме был один человек с «хорошей практикой»! В Марсельскую группу вошли Величко Керин и Мие Краль, в Парижскую — Звонимир Поспишил (имевший на душе уже несколько убийств) и Иван Раич. «Штаб покушения» состоял из следующих лиц: Анте Павелич, Дидо Кватерник, Анте Годипа (заместитель Кватерника) и Бзик.

В субботу 22 сентября 1934 г. Павелич надел свою усташкую форму, так как он любил очень позировать, и собрал свой «штаб». Начали договариваться о деталях покушения. Поглавник настаивал чтобы убийца выскочил с тротуара с криками: «За дом спремни» («Эти слова войдут в мировую историю»), но хладнокровный Кватерник на это заметил: убийцу немедленно схватят. Был принят его план: Величко Керин выскочит к автомобилю с криками «вив ле руа» и маузер спрячет в букете цветов. Все атентаторы получат фальшивые паспорта, которые будут меняться по мере приближения к месту

покушения. Дидо Кватернику в то время не было еще 26 лет — он был из «молодых, но ранних».

Из Венгрии с Бзиком тронулись в путь следующие террористы: 1) Звонимир Поспишил, он же Иштван Унгар и Ярослав Новак, 2) Мие Краль, он же Янош Бомбан и Ян Хашек и 3) Иван Раич он же Ежеф Север и Ладислав Бенеш. В Швейцарию въехало три венгерских гражданина и там «исчезли», а из Швейцарии выехало трое чехословацких подданных.

Теперь посмотрим, что происходило в это время в кулуарах югославянского правительства и при дворе? Доверяя французской полиции, югославянский монарх, по всей вероятности, имел ввиду предсказание таинственной графини и, беспокоясь за страну и за себя, колебался: каким путем ему лучше ехать. Морем было безопаснее, но королева Мария не переносила качки и страдала желчью. На всякий случай приготовили специальный дворцовый поезд, но, в конце концов, монарх решил ехать морем.

4-го октября 1934 года, ровно в 23.15, с Топчидерского вокзала отходит королевский поезд, и в тот же день колонна из пяти пакардов, со спущенными занавесками, трогается из дворца по направлению на Скопле. Короля провожают премьер Узунович, без министров, и советник франц. посольства. В высочайшем поезде, кроме королевской четы, кн. Павел с супругой (только до моря) и немногочисленная свита. На следующий день, около 8 утра, поезд подходит к Косовской Митровице, где уже поджидают королевские пакарды. Не задерживаясь, кортеж двигается по направлению к морю. Первая официальная встреча на Цетинье: стоят шпалерами школьники и жители города (усташи тут не боятся) После короткой остановки король со свитой продолжает свой путь.

На северном берегу Бухты Которской расположен старинный православный монастырь САВИНА, основанный еще в начале 11-го века. Он до сих пор хранит редкие документы деспота Стефана, короля Уроша и царицы Милицы. И в стенах этого средневекового сербского монастыря провел югославянский монарх свою последнюю ночь на родной земле.

Между тем 4 октября белградское «Време» все еще сообщает о поездке Их Величеств вместе морем и об их высадке в Марселе 9 октября. Очевидно, что в монастыре Савина, в ночь на 6-ое октября, король переменил свое решение: сам он едет морем, а королева Мария возвращается обртано в Белград и

оттуда экспрессом выезжает во Францию. Вряд ли удастся когда-нибудь установить точную причину этой перемены, но исследователи выдвинули три предположения: 1) Королева побоялась бурного моря (сообщение Анны Годжевац), 2) Королева увидела очень плохой сон и вспомнила предсказание гадалки (по югославянским сведениям за таинственной графиней «Надей» в 43-44 году приехал ген. кн. Бертмонт-Авалов и увез ее в Германию) и 3) Предчувствуя что-то недоброе кор. Александр не пожелал подвергнуть опасности и свою супругу, мать троих детей.

6-го октября 1934 года эскадренный миноносец «Дубровник», стоявший у причалов Зеленики, поднял трехцветный национальный флаг и королевский штандарт. Точно в 10 час. и 40 мин. военный корабль, под командой кап. 1 ранга Палича, медленным ходом начал удаляться от родных берегов. Штормом встретило море, «Плави Ядран», королевского путника, словно предупреждая его о грядущей опасности. Три дня и три ночи огромные волны вздымались вокруг миноносца, который полным ходом шел к намеченной цели и трагической гибели монарха. Король чувствовал себя довольно скверно и редко показывался на палубе. А когда Дубровник огибал южную часть итальянского «сапога», Мусолини, в виде «напутствия», разразился в Милано угрожающей речью против Югославии.

В то время как, со своей немногочисленной свитой, кор. Александр приближался к Марселю, усташкие стервятники спешили к той же цели, только с другой стороны, по суше, для осуществления своего грязного дела. М. Бзику, без труда удалось перебросить в Швейцарию трех усташей: Поспишила, Краля и Раича. В Цюрихе команду над ними берет «сам» Кватерник, он же г. Сабо и Крамер, а с ним вместе уже и Величко Керин. Террористы не имеют права общаться друг с другом, задавать какие бы то ни было вопросы, они не знают куда их везут, и только догадываются, что на какое-то важное кровавое дело! Это, по существу уже не люди, а роботы, готовые сделать что угодно, как только их хозяин нажмет нужную кнопку!

На пароходе, на Женевском озере, Кватерник делит террористов, на всякий случай, на две группы, и так они продолжают путь к Парижу. Но г. Сабо дьявольски хитер: парижская полиция уже на чеку и тщательно проверяет документы всех подозрительных, а особенно иностранцев, на вокзалах столи-

цы. Заговорщики слезают за 60 клм. от Парижа, в Фонтенебло, и затем местным автобусом едут прямо в центр города. Отдельно от этой пятерки едет Година со своей женой, которая укрывает в элегантном чемодане, из крокодиловой кожи, бомбы и маузеры. Их зовут теперь Мария и Ян Вондрачкови, и встретятся они с остальной шайкой 1-го октября.

В столице Франции Кватерник, вернее уже г. Крамер, разделяет своих молодчиков на три части и сам живет отдельно: но все вблизи Плас де Л'опера. Выбор места весьма разумный — перед оперой всегда собираются толпы туристов, и кто же обратит внимание на небольшую группу «чешских» граждан. Первого октября утром пятерка во главе с г. Крамером поджидает кого-то на площади. Ровно в 10 часов к ним подходит элегантно одетая блондинка, с красивым господином под руку — это Ян и Мария Вондрачкови.

«Это лицо», указывая на Годину медленно говорит Кватерник — «для вас теперь важнее меня! Он знает все, он мой заместитель». Заговорщики пробыли в Париже 5 дней, до 6 октября. Им еще не был известен маршрут короля. На всякий случай Кватерник выработал два варианта: 1) Если король поедет поездом через Австрию и Германию, то покушение будет произведено из двух засад в Париже, в случае неудачи, третья попытка состоится в Англии, куда спешно отправили доктора-убийцу Артуковича. 2) Если югославянский монарх поедет морем, то будет две засады: одна в Марселе, другая в Париже, и третья — резервная в Швейцарии.

Так как, по усановленной официальной программе, король должен был возложить венок на могилу неизвестного солдата и посетить Версаль, то Кватерник с Поспешилом и Раичем проводят «генеральную репетицию» покушения, точно утвердив места, с которых должны быть произведены выстрелы. Затем Кватерник приступает к маскировке бандитов, стараясь придать им совсем французский вид. С этой целью он отвозит их в универсальный магазин, где и переодевает с ног до головы, приказав в гостиницах тщательно вырезать все внутренние ярлычки. (И тут Величко Керин сделал промах: случайно оставил один ярлычек. Этот факт очень помог ведению следствия).

Пятого октября «коварная лиса» Кватерник, которого югославянские власти считали самым опасным противником (позднее Миличевич утверждал, что в УХРО он мог бы купить любого члена, вопрос был лишь в цене, но не Кватерника и Па-

велича) узнал о королевском маршруте и приступил к исполнению своего плана. Дав последние инструкции Поспишилу, г. Крамер с остальными террористами выезжает из Парижа пятого числа. Первыми супруги Вондрачкови с оружием. Но никто не едет прямо в Марсель — это опасно! На Марсельские улицы с оружием убийцы попадут чуть ли непосредственно перед самым покушением. Первый этап — Авиньон, в 90 клм. от Марселя. Следующая остановка в Экс ан Прованс, всего в 30-ти клм. от цели. В Авиньоне Кватерник, в последний раз меняет террористам паспорта: Величко Керин становится Петар Келеман, а Мие Краль превращается в Сильвестер Мални.

Изолировав супругов Година-Вондрачковых от остальной группы, Кватерник действовал как самый искусный профессионал. Година ничего не знал о последней перемене и не смог дать Миличевичу точных сведений, что и оказалось фатальным! Схваченный, после удавшегося покушения, Краль на допросе показал жуткие подробности: «Восьмого октября утром меня и Сука разбудил г. Сабо, и приблизив чуть ли не вплотную свое лицо сказал — король Александр приезжает завтра в Марсель. Вы знаете ваше задание? — мы молчали, а г. Сабо, чеканя каждое слово, продолжал — спрашиваю вас от имени поглавника, готовы ли вы выполнить поручение? — В один голос мы ответили — ГОТОВЫ! Тогда едем, чтобы установить места с которых вы будете стрелять!

Был прекрасный солнечный день, когда Кватерник, Керин и Краль приехали на такси в Марсель и прошлись пешком до набережной, которую рабочие убирали зеленью. В местных газетах был уже напечатан детальный план торжества и название улиц, по которым пройдет королевский кортеж, с Бельгийской набережной до здания префектуры. «Здесь», — останавливаясь, сказал Кватерник, пристально смотря на Керина! «Здесь мы пошлем его в ад» — дьявольски усмехнулся Керин, обнажив ряд своих редких, пожелтевших зубов. «Не в ад, а в рай! Мы пошлем его в рай! Видишь — это райская улица» — со зверской улыбкой добавил Кватерник [7]). Преступники даже не упомянули имени своей жертвы. Итак, 8-го октября в Марселе, на авеню ля Канабьер, на самом углу поперечной улицы Паради, где начинается площадь Биржи, стояли три хорошо одетых «господина». Улицы были полны народа и каждый был занят своим собственным делом. Глав-

7) По французски "Rue du Paradis" значит "райская улица".

ный из группы давал последние инструкции и глаза его горели как у волка: ... —автомобиль приближается... Сук выскакивает! После первого выстрела ты (Краль) бросаешь бомбу... в хаосе вы оба исчезаете в толпе... Обратный путь вам известен... Оружие вы получите завтра...

Хотя Дидо Кватерник и был извергом в образе человеческом, и с улыбкой на устах загубил сотни тысяч невинных в НДХ, он не был из храброго десятка. Это был подлый трус, и позднее из страха, что Мусолини все-таки выдаст его французскому правосудию [8]), впал в тяжелую депрессию и был известное время в психиатрической лечебнице. Во всяком случае, уже 9 октября, в день покушения, Кватерник покинул пределы Франции.

«Новоиспеченные» Петар Келеман и Сильвестер Мални вернулись ночевать в Экс. Мални (как потом показал) не мог сомкнуть глаз, а Келеман прохрапел всю ночь! В день покушения, 9 октября убийцы встретились с четой Година-Вондрачкови и получили оружие: бомбы и маузеры. Година передал также им приказание «хозяина» выезжать на такси из Экса не раньше часу дня, когда всех полицейских стянут к тротуарам, вдоль которых будет следовать королевский кортеж. Это было последним заданием супругов Година, и после этого они благополучно бежали, вслед за Кватерником, из Франции. Но перед отъездом чикагский гангстер «честно» выполнил свое обязательство: он сообщил по телеграфу утром 9 октября Миличевичу о предстоящем покушении, не зная ничего о последней перемене паспортов. При нормальных условиях французской полиции еще представлялась возможность предотвратить покушение, но ничего не было сделано по преступной небрежности, а может быть и преднамеренно.

Югославянским послом в эти трагические дни был, известный русским, Мирослав Спалайкович, и ему Миличевич, перенесший свою штаб-квартиру в Париж, доложил обо всем. Не на шутку всполошившись посол немедленно связался по телефону с ген. директором фр. полиции Бертоаном и инспектором Систероном. Но руководители охраны короля довольно таки скептически отнеслись ко всей информации югославянской полиции, и заверили Спалайковича, что примут все необходимые меры. Не зная ложных имен атентаторов, но имея неоспоримые данные, что они снабжены чешскими паспортами,

---

[8]) Он был арестован в Милано.

югославянское правительство требовало провести проверку всех чешских граждан, а особенно тщательно в Марселе и его окрестностях. Шаг был верным и, если бы это сделали, то террористов могли бы арестовать до того, как им удалось попасть в Марсель. Французское правительство не посчитало возможным это исполнить.

Крайнее легкомыслие проявил Луи Барту, отвечая на предостережения Спалайковича: «Может ли Ваш монарх иметь лучшего сторожа, чем я? За все время пребывания Его Величества во Франции, я неотлучно буду около него»! В таком же приблизительно духе реагировал и Нажияр. Накануне покушения, 8-го октября в Марсель выехали ген. Димитриевич, маршал двора и Спалайкович, а Барту прибыл туда утром 9-го. В этот день, между 8 и 9 часами утра в Париже Миличевич получил телеграмму угрожающего содержания от Марселя Влади (шпионский псевдоним Годины), которую мы приводим в оригинале: «Карамбол у Марсею Стоп Двоица Стоп Чехословачки пасоши Сук и Хашек Стоп Синьор». Миличевич немедленно позвонил в югославянское консульство, в Марселе. Там забили тревогу и сразу же сообщили все Спалайковичу. Он потребовал от полиции немедленного ареста Сука и Хашека. Но, после проверки, префектура сообщила: такие лица в Марселе не находятся, или бежали из него. Тогда Миличевич решил попробовать задержать высадку монарха, но Спалайкович не хотел об этом и слышать. Югославяне немного успокоились, когда префект города заверил, что кор. Александр с Барту будут ехать в закрытом автомобиле, сопровождаемые по бокам полицейским нарядом мотоциклистов. Но, неожиданно, Барту отменил это распоряжение: «Помилуйте! Как же можно прятать высокого гостя от французского народа!» (Легкомысленный 72-летний старик и себе подписал этим смертный приговор!) [9]) Генерал Димитриевич узнав, что полицейские вдоль тротуаров будут стоять на расстоянии 15 футов, спиной к толпе, потребовал усиления их отрядами войск, но получил отказ, по формальным соображениям! («Вот в Париже — это другое дело».)

---

[9]) Луи Барту, выдающийся политический деятель тридцатых годов, единственный кажется разгадал настоящие намерения Гитлера и Мусолини. Существуют сведения, что вопрос его ликвидации был уже предрешен. Во всяком случае причина убийства Барту (случайная или преднамеренная) требует специального исследования!). Подробно см. книгу Аллена Робертса "The Turning Point").

Наступил трагический день: 9-ое октября 1934 года. Теплое осеннее солнце юга ярко светило и легкий ветерок играл многочисленными национальными флагами. На Кей де Белж собрались представители правительства и генералитета для встречи Высокого Гостя. Ген. Димитриевич отправился на Дубровник, и без всяких обиняков, как было со Спалайковичем условлено, предупредил своего суверена о смертельной опасности! «Сколько, Вы говорите, их приехало чтобы меня убить»? — спросил король, и получив ответ: двое, закончил — «Разве король может испугаться двоих негодяев»?!!

Нужно заметить, что личный деньщик короля — Зечевич, по настоянию королевы, вез с собою кольчугу, и очень уговаривал своего господина одеть ее при высадке, но монарх твердо ответил (приводим в оригинале): «Остави то, Зеко, не умире се без судного дана»!) [10]). Беспокойство среди югославянской свиты достигло апогея, когда стало известным новое распоряжение: король и Барту поедут в открытом «деляже» с широкими подножками, что было даже запрещено французским законом для употребления в таких случаях.

Во время посадки в автомобили не было вообще никакого порядка! Отдельные лица выбегали из толпы, чтобы приветствовать югославянского монарха, а иные просто из любопытства. Но когда один из них бесцеремонно схватил короля за рукав, обращаясь к Спалайковичу кор. Александр сказал: «Если я это переживу, то буду жить сто лет»!!! Наконец король и Барту заняли свои места, перед ними сел ген. Жорж, впереди, за перегородкой — шофер. Во второй машине — министр ин. дел Ефтич с морским министром Пиэтри; в третьей — Спалайкович и Нажияр. И только в четвертом автомобиле — начальник охраны — инсп. Систерон. Противно правилам машины двигались «черепашьим шагом» — 4 клм. в час, а полагалось 20!

По всей вероятности Ванча Михайлов был прав сказав, что без Величка Керина у усташей ничего не выйдет. Свирепость этого долголетнего профессионального убийцы превосходила всякое воображение! После поимки, на допросе, Мие Краль показал следующее: «Когда я увидел толпу и приближение королевского автомобиля, мои нервы не выдержали и я сказал Суку — мы не можем выполнить наше задание так как много людей кругом пострадает! Но Сук, держа в одной руке букет

[10]) Робертс, в своей книге, считает, что кор. Александр был фаталистом!

с маузером, схватил меня другой, и дал свирепо мне понять, что он готов и меня убить, если я буду ему противиться».

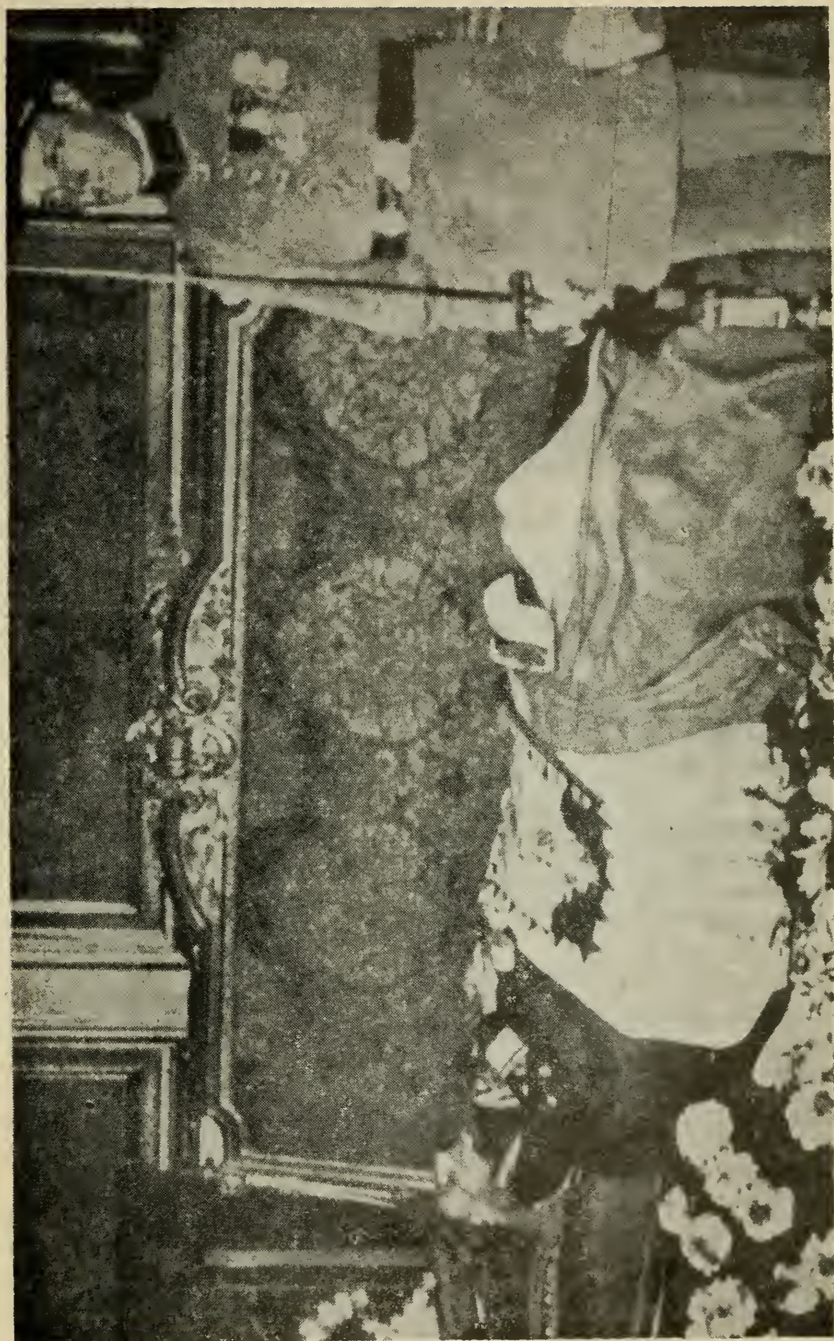
Автомобили кортежа двигались со «скоростью улиток». На месте, где улица ля Канабьер расширяется в площадь Биржи, процессию обогнала машина с кинорепортерами (все фильмы были цензурированы) и сразу же за ними появился королевский «деляж». В это время на правой стороне тротуара поднялась неожиданно суматоха. Крупный, высокого роста мужчина, в темном костюме бросился к королевской машине. Редкий кордон полицейских, стоявших спиной к толпе, не мог его заметить. С криками: «вив ле Руа» неизвестный рывком достиг автомобиля и вскочил на подножку. В его руках больше уже не было букета с цветами: он держал маузер, который изрыгал пламя! Весь окровавленный король Александр завалился на сидение: было точно 4 часа и 40 минут по полудни. Единственной защитой, которую первый автомобиль в это время имел — было два конных штаб-офицера с саблями наголо. Один из них отстал, а другой, заметив убийцу, бросился вперед и нанес ему два удара саблей, свалив на мостовую, но атентатор продолжал стрелять. В это время, как будто бы и шофер пришел в себя. и пустил в ход свой револьвер.

Югославянским властям так и не удалось выяснить имена всех лиц, употребивших огнестрельное оружие (а это было очень важно!). И французская полиция многие факты скрывала и не допускала к сотрудничеству или чинила препятствия югославянским следственным властям. Итак, в результате удавшегося покушения: смертельно был ранен тремя пулями король Югославии Александр, одной пулей был ранен и умер Луи Барту, от четырех тяжелых ранений оправился ген. Жорж и еще было убито и ранено 13 лиц!!! Таким образом трагический баланс составлял: 16 жертв!!! Маузер Величка Керина имел обойму на 10 зарядов, одиннадцатая пуля могла быть в дуле... Существовало подозрение, что стрелял и Краль, но он был пойман позже и своего участия в стрельбе не признавал. По мнению Миличевича, после налета Керина, вокруг автомобиля создался полный хаос и стрелял всякий, имевший оружие, а главным образом полицейские. Возможно, чот от французской пули погиб и Барту. Это и есть одна из причин, по которой французы старались следствие всячески запутать. Вторая: нужно было как-то скрыть преступную небрежность полиции. Но можно назвать и другие причины, возможно, для будущей иностранной полититки наследника Барту, более важные.

Но вернемся назад к автомобилю в котором лежали: смертельно раненый югославянский монарх и тяжело раненые Барту и ген. Жорж. Кругом царил общий хаос и растерянность. Наконец один решительный человек, поручик национальной гвардии, начал действовать по своему усмотрению и ему удалось на конях как-то разогнать толпу и восстановить относительный порядок. И автомобиль с жертвами террориста мог двигаться. До сих пор не установлено: почему смертельно раненого короля моментально не отправили в больницу, что сделали с ген. Жоржем, и он выжил. Кор. Александра отвезли в здание префектуры, внесли в кабинет префекта и положили на диван. (В таком виде и застала мертвого супруга королева Мария на другой день утром.) Только через 10 минут появился «случайно» доктор общей практики... Тяжело раненый суверен Югославии скончался, не приходя в сознание, около 5 часов по полудни.

Между тем убийца далеко не был мертвым и полиция не особенно-то трудилась, чтобы вырвать его из-под ног разъяренной толпы, которая начала убийцу топтать. А он мог бы быть очень важным свидетелем, но очевидно, для кого-то это не входило в планы. У югославянской контрразведки имелись подозрения, что Величка Керина пристрелили преднамеренно!.. Наконец он был тоже перевезен в префектуру и умер только в девятом часу вечера.

В трагические часы покушения, королева Мария была в пути, и когда экспресс подошел к Миланскому вокзалу, ей сообщили страшную весть. Она выразила желание немедленно проследовать в Марсель и потребовала, чтобы тело погибшего монарха оставалось в таком же виде, в каком он был положен на диван, сразу же после покушения. В Безансоне ее вагон отцепили и через Лион, в 5 часов утра 10 октября, королева прибыла в Марсель. По ее распоряжению покойного короля переодели в походную генеральскую форму, которую он так любил и всегда носил. К 10 утра в Марсель прибыл президент Лебрен с двумя министрами. Приняты были экстраординарные меры предосторожности, и двойными, сплошными рядами лицом к многочисленной толпе стояла полиция и войска, когда тело погибшего монарха везли по тем же улицам. В 4 часа дня, в присутствии королевы, русским священником на палубе корабля была отслужена первая панихида, и в 4.30, подняв якорь, и дымя своими трубами, Дубровник с телом своего адмирала и суверена, покинул Марсельский рейд.

Все промахи Марсельской полиции, хотя и с трагическим опозданием, потрудилась исправить парижская. В этот момент и сам Миличевич сомневался (напрасно) в испрваность сведений, получаемых от Годины и других. Подозревали крупный международный заговор с целью смести с лица земли династию Карагеоргиевичей! Всюду мерещились террористы, а заграницей была еще королева Мария и наследник престола, вернее новый король Югославии.

Когда поезд с королевой Марией прибыл в Париж, чуть ли не вся Гар Лион была очищена от публики, а самолет, бреющим полетом, вел наблюдения за всеми подъездами. Решено было поместить инкогнито мать-королеву и юного короля в особняке югославянского посольства. Встретить нового суверена в Кале выехал сам Миличевич, и поезд перед Парижем задержали на открытом пути, где произошла пересадка в автомобили.

В тот же вечер супруги Спалайковичи устроили поминальный ужин для узкого круга приближенных, на котором старый посол, следуя старинному французскому обычаю, поднялся и своим звучным баритоном провозгласил: «Краль Александр је умро! Слава Му! Живео краль Петар!» К вечеру 11 октября королева с сыном уже была в пути на родину.

Теперь необходимо познакомиться коротко с методами ведения следствия и посмотреть — удалось ли французской полиции арестовать всех террористов. Как мы раньше сказали, в день покушения Кватерник и супруги Година были уже вне пределов Франции. Первым схватили 15 октября Мие Краля (он же Мальни). Его арестовали после трехдневного блуждания в лесах Фонтенебло и удачного побега от местных жандармов. Нужно отметить, что после покушения началась настоящая паника среди югославян, особенно эмигрантов. Французская полиция всех их хватала без разбору и сажала в тюрьму. Среди арестованных был и быв. министр Прибичевич, и сын Ст. Радича — Владимир (который, к его чести, позднее вернувшись в Хорватию, отказался от всякого сотрудничества с Павеличем, и укрывал у себя сербов) и др. Всех их, конечно, по рекомендации Миличевича, сразу же выпустили.

Одной из главных задач полиции было: точно установить личность убийцы. Он имел татуировку ВМРО, но этого не было достаточно. Лицо преступника порядочно изуродовали. Подозревая в нем Величка Керина, фотографию мертвого террори-

ста показали его жене, но она колебалась дать положительный ответ. Чешский паспорт на имя Петра Келемен оказался фальшивым. Оставалось произвести анализ отпечатков пальцев, что и было поручено проф. Трегубову и Андоновичу. Личность убийцы короля была точно установлена: Величко Мидитров Керин, член ВМРО, на службе у поглавника Павелича.

Французское министерство внутренних дел получило от Югославянских властей исчерпывающие информации о деятельности УХРО во всех странах, на основании чего можно было настаивать на выдаче усташей. Югославянское правительство решило перенести все дело в Лигу Наций, но потом от этой идеи отказалось [11]). А французская политика со смертью кор. Александра пошла другим путем, особенно, когда министром иностранных дел стал Пьер Лаваль, казненный позднее при ген. Де Голе.

Но, во всяком случае, облава на террористов замешанных в убийстве югославянского монарха, на территории Франции, продолжалась. Вскоре был схвачен Звонимир Поспишил, уже осужденный на смерть, у себя на родине, за убийство журналиста Тони Шлегла. За ним арестовали и Ивана Раича. Оба они во всем признались и подписали протокол, в котором заявляли, что Анте Павелич лично отдал «приказание» убить короля. Без труда, по «усташкому альбому» установили личность Сабо-Крамера, Бзика и других. На аресте супругов Година, лично Миличевич не настаивал, хотя французская полиция их разыскивала, не будучи в состоянии установить их личности. А Миличевич молчал. Уже в 1937 году, занимая другой пост при югославянском посольстве в Италии, он встретился с Годиной и «дружески» с ним беседовал.

Артукович и Перич находились в дружественных странах: Англия и Бельгия сразу же отозвались требованию французской полиции. Др. Артуковчи, «запасной» убийца в Англии, был юристом из Госпича (Лика), принимал участие в т. н. «Личком устанке», который с треском провалился, и бежал в Италию, где переезжал из одного усташкого лагеря в другой. Был он франковцем и заядлым усташей. Перич, адвокат

---

11) В Лиге Наций Пьер Лаваль сделал все возможное чтобы заставить Югославянскую делегацию отказаться от привлечения к ответственности главного виновника: Италии. Козлом отпущения выбрали Венгрию, игравшую в Марсельском злодеянии вторую роль. В противном Лаваль грозил отказать Югославии в поддержке в случае нападения со стороны Германии...

из Дубровника, слыл «радичевцем», потом перекинулся к усташам, бежал в 1932 году и находился в Бельгии.

Скотланд Ярд, не теряя времени, арестовал Артуковича, и после 10 дневного допроса, выдал его Франции. Жил он в Британии под чужим именем и имел венгерский паспорт. (Под каким именем живет этот «господин» теперь в Калифорнии — нам не известно). Бельгийская полиция арестовала Перича, тоже с фальшивым венгерским паспортом на имя Иштвана Периц, что ввело в заблуждение французскую полицию, подозревая, что под этим именем кроется барон Перчевич. Выяснению его личности опять таки помог усташкий альбом. С другой стороны сообщения из Италии, Венгрии и т. д., были иного характера. На требование французской полиции арестовать Павелича и Кватерника (и с ними других видных усташей) последовал ответ: «Их пребывание итальянским властям неизвестно». Австрия потребовала «доказательств» виновности Перчевича. А из Германии дали знать: «Опечатан усташкий центр. Приезжайте проверить архив. Властям неизвестно — где находится др. Будак».

Теперь посмотрим — чего ожидал Павелич после гибели короля? В «Марсельские дни» он вызвал к себе в Болонью Будака, Бубала, Перчевича и всех «свободных» членов УХРО чтобы «в исторический момент смерти Александра Карагеоргиевича, по милости Божией и при помощи Мусолини, быть всем вместе и ждать распадения Югославии»! Во всех усташких лагерях поглавник объявил «осадное положение» и подписал «приказ» о 7-дневных маневрах «солдат усташкой армии», которых было ровным счетом 340.

Одна интересная подробность Марсельского злодеяния осталась почти незамеченной. Дело в том, что итальянская контрразведка имела своих людей во французском посольстве, в Белграде, и одного шпиона-югославянина, высшего полицейского чиновника. Через этих лиц итальянский посол в Белграде узнал, что югославянским властям известны все подробности подготовки покушения и причастность к этому грязному делу Мусолини. Мог разразиться грандиозный интернациональный скандал, чего дуче вовсе не желал. И в то время как поглавник уже сидел на своих чемоданах и с минуты на минуту ожидал приказания «усташким постройбама» двигаться к Югославянской границе, в штаб ГУСа ворвался др. Конти с депешей из Рима: «Немедленно прекратить акцию «У» во Франции. Сенатор»! Не на шутку перепугавшийся Павелич

срочно отправил Кватернику телеграмму, в гостиницу Комодор, в Париж: «Немедленно прекратить акцию во Франции». Как позднее Кватерник рассказывал друзьям, а после и подтвердил в печати, «расплевавшись» со своим шефом, телеграмму он получил между 4 и 5 октября. Считая поглавника человеком крайне неуравновешенным, он побоялся участи Густава Перчеца, и решился на обман. Подкупив почтальона, он отправил ответ Destinataire Inconnu. Если бы покушение не удалось, то Кватернику действительно не сносить головы...

После Марселя во Франции произошло много перемен. Подал в отставку мин. вн. дел Саро, был уволен без пенсии инсп. Систерон, сменен Бертоан. Покойного Барту заменил Пьер Лаваль, сторонник Итало-Французского сближения. И вскоре прекращено было всякое следствие и наложен запрет на вывоз фильма «Покушение в Марселе».

Западноевропейским исследователям Марсельского злодеяния не удалось установить следующего: кто же из видных усташких лидеров-террористов скрывался под именем Петар (Петр)? Французские и английские авторы называли Павелича. Американец, Аллен Робертс в своей книге “The Turning Point” пришел к ошибочному заключению, что в Париже Павелич, под именем Петар, лично руководил покушением. По Робертсу — Мария Вондрачкова сопровождала поглавника в качестве его возлюбленной. Как мы уже знаем Павелич не покидал Италии во время покушения и, по приказанию итальянских властей, лично послал телеграмму Кватернику: «Немедленно прекратить акцию во Франции»...

Нужно отметить, что книга Робертса не лишена некоторого романтизма и фантазии но, по крайней мере, она дышит симпатией к королю Александру да и объективно освещает роль старой России на Балканах.

В свое время вызвал сенсацию В. К. Волков (СССР) своей работой «Тевтонский меч». Он считал, что под именем Петар скрывался вождь ВМРО — Ванча Михайлов. Всю вину за Марсельское злодеяние Волков сваливал на нацистов. Наконец не так давно «заговорил», уже покойный, Миличевич, а его, вне всякого сомнения, можно рассматривать как самого компетентного человека в этом вопросе. И Миличевич заявил: Анте Година, Ян Вондрачек, Марсель Влади и Петар — одно и то же лицо. А что он до сих пор об этом молчал — то это совершенно понятно: Година был главным шпионом югославянской контрразведки в штабе УХРО!!!

В этой статье мы не намерены анализировать положение, которое создалось в Югославии после Марселя и вдаваться в вопрос подлинности королевского завещания, по началу оспариваемого. Теперь мы знаем о местонахождении оригинала Королевы-матери, помещенного, после ее смерти, в архив Колумбийского университета. Первый оригинал для правительства, после «долгого блуждания» заграницей, возвращен в Белградский архив. Нужно только добавить о сильном разочаровании общественного мнения, после того как были объявлены имена Наместников: все это оказались весьма бледные личности, и среди них не было имени патриарха Варнавы, как этого многие ожидали.

Как мы в заключении видим — Павелич и его людишки во многом просчитались: Югославия, после гибели короля Александра, не распалась на части, и страна встретила смерть своего монарха с горечью, спокойно и без всяких политических эксцессов. Поглавник и Ко. не попали в Загреб и должны были дожидаться шесть с половиной лет, чтобы возвратиться в растерзанную Югославию на немецко-итальянско-венгерских штыках. И их кровавое царство было не долгим. А после Марсельского злодеяния они угодили в лагерь. Мусолини видя, что Югославия ему одному не по зубам, решил переключиться на войну с Абисинией, и в конце 1934 года все усташи были разоружены и отправлены в лагерь на Липарские острова. И тут они разделились на две фракции: большая часть решила и дальше оставаться под покровительством Италии, а меньшая пожелала переменить хозяев и перекочевала в Германию. Один из лидеров УХРО: др. Бранко Елич стал их вождем. Этот политический авантюрист, умерший совсем недавно, не мог успокоиться до конца дней своих, попав даже в сталинские воды.

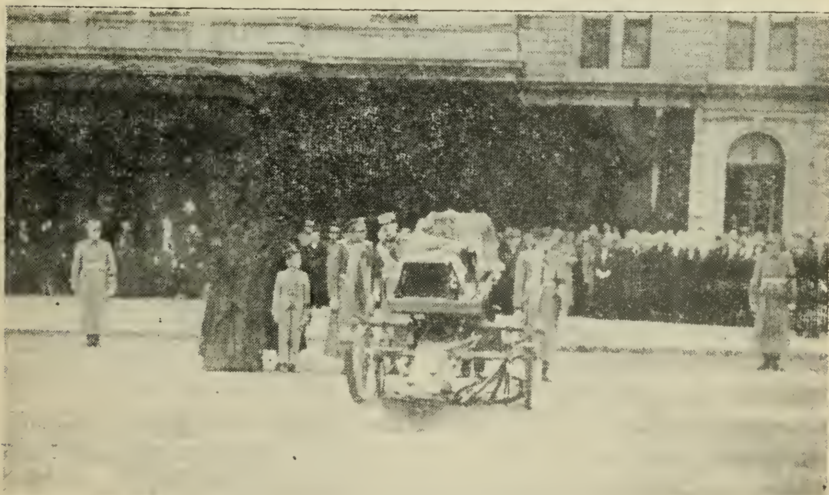
Остается добавить, что во Франции, несмотря на попытку сближения с Италией, Лаваль не смог повлиять на ход судебного процесса, и всех виновников злодеяния судили. Пойманных во Франции — в Эксе, а остальных заочно. Процесс продолжался долго, сопровождался скандалами, какие теперь нередко случаются в Американских судах, и закончился только в 1936 году. Краль, Поспешил и Раич были осуждены на пожизненную каторгу, Павелич, Кватерник и барон Перчевич, на смерть, заочно...

После крушения НДХ — «Поглавник» — Анте Павелич («Сталин в миниатюре») бежал за океан и поселился в Буенос

Айресе. В Аргентинских газетах писали, что занимал он какой-то видный пост в политической полиции, но после свержения Перона, на него было произведено покушение. Он как будто бы был ранен и бежал обратно в Европу, найдя себе приют в Испании. Умер Анте Павелич в Немецкой больнице, в Мадриде, в декабре 1959 года. Дидо Кватерник, как и его хозяин, избрал местом своего убежища Аргентину. Др. Артукович все еще жив и находится на попечении своего брата-предпринимателя. В Белграде нам сообщили, что Югославянское правительство усиленно добивалось его выдачи, но, при помощи одного известного калифорнийского адвоката, ему удалось избежать этого. Поспишил «Жути усташа» закончил жизнь свою под пулями повстанцев, около Билечи, памятной кадетам-донцам. Супруги Година покинули Италию накануне объявления войны, с последним пароходом, и поселились где-то в Лат. Америке.

В настоящее время, при поддержке известных кругов, усташи опять пытаются оживить свою деятельность, направленную против сербов, а закоренелого преступника и профессионального убийцу Величка Керина-Келемена величают «рыцарем без страха и упрека», называя его в своей эмигрантской печати «Марсейски витез». *Пав. Паг.*

Вермонт 1974 г.

Король принимает последний парад... перед вокзалом в Белграде. От Российского Царственного дома присутствовали: Вел. Кн. Елена Владимировна, Вел. Кн. Мария Георгиевна, Кн. Татьяна Константиновна, Кн. Вера Константиновна и кн. Т. Багратион-Мухранский — юнкер *.

МАРИИНСКИЙ ДОНСКОЙ ИНСТИТУТ

Точную дату основания института в Новочеркасске установить трудно, но по историческим данным известно следующее: императрица Мария Феодоровна, жена императора Павла I, не игравшая при императрице Екатерине II никакой роли, по вступлении на престол Павла, начала заниматься вопросом женского образования. Уже через шесть дней по смерти Екатерины, последовало повеление императора «начальствовать его супруге над воспитательным Обществом Благородных Девиц». Цель женского образования, по мнению Марии Феодоровны, заключалась в том, чтобы «способности учащихся употреблять не только для образования ума, но и для образования сердца и характера». В царствование Александра I и Николая Первого были основаны институты в Санкт-Петербурге, Москве, Симбирске, Новочеркасске, Харькове, Полтаве и других городах. В каком именно году был основан институт в Новочеркасске мы не могли установить.

Мариинский женский институт в Новочеркасске.

Самые ранние сведения о Мариинском Донском Институте в Новочеркасске мы получили от бывшей воспитанницы Зинаиды Шапошниковой, поступившей в институт в 1910 и окончившей в 1918 году [1]. Известно, что до постройки здания

[1]) Воспоминания З. Шапошниковой настолько интересны, что их следует привести полностью, что будет сделано в "Институтской Памятке".

(на фотографии выше) институт находился в другом месте в здании, построенном еще в прошлом веке. Кроме Министерства Народного Просвещения продолжало существовать «Ведомство Императрицы Марии», управлявшее всеми институтами. Институт был рассчитан на 360 воспитанниц, из которых 240 живущих в институте и 120 приходящих. Годовая плата за право учения была 120 рублей. Начальницей института была в то время Инна Павловна Головачева, а инспектором классов Адриан Петрович Петров, которого после ревизии в 1916 или 1917 году, как образцового инспектора, перевели в Смольный институт.

23 декабря 1919 года институт был эвакуирован из Новочеркасска. Погрузка в товарные вагоны имела место в предместьи города, называемом Хотунок. Начальницей института была в это время Вера Феодоровна Вигорст, инспектором классов Михаил Александрович Павловский.

Институтский священник (имя и фамилия утеряны) совершил последнее Богослужение под Новый Год — 1920-ый, в здании Кубанского института в Екатеринодаре, где институт провел около двух недель, до отъезда в Новороссийск. Из Новороссийска на пароходе «Афон» институт выехал в Варну (Болгария), затем задержавшись несколько дней в Софии, в Югославию. С институтом из Новочеркасска выехали, кроме начальницы и инспектора, следующие лица: Наталия Викторовна Шефферлинг и Елена Леонтьевна Кандаурова (классные дамы); учитель рисования Николай Иванович Александров; эконом Владимир Николаевич Герцог и помощник эконома Борис Васильевич Фомин, а также 49 воспитанниц [2]). По дороге к Мариинскому Донскому институту присоединились в Екатеринодаре 6 воспитанниц Кубанского института, а также еще в Хотунке 6 девочек, которые были эвакуированы дальше вместе с М. Д. институтом.

По приезде в Югославию, бывшую в то время еще Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев, институт получил высочайшее разрешение Короля Александра обосноваться в маленьком городке Баната, Белая Церковь. Вера Феодоровна Вигорст оставалась начальницей института до 1921 года, когда председатель учебного совета Державной Комиссии, М. В. Чел-

---

[2]) Одна из них, Раиса Талалаева, и дала все эти ценные сведения и снимок здания в Новочеркасске.

ников, попросил Наталию Владимировну Духонину (вдову ген. Духонина) стать во главе института.

Инспектора классов М. А. Павловского сменил Н. В. Стороженко, а М. А. Павловский остался в институте, как преподаватель анатомии. В 1925 году институт получил обратно прежнего инспектора А. П. Петрова, который после своего пребывания в Смольном, как последний инспектор, был назначен директором в русскую гимназию в Чехии, в Моравской Тшебове. Законоучителем института до 1926 года был о. Павел Образцов. По его уходе на должность законоучителя был прислан протоиерей (академик) о. Василий Бощановский, остававшийся с институтом до его закрытия.

Мариинский Донской институт в Белой Церкви занимал большое красивое здание в центре города, удобное тем, что в

Здание Мариинского Донского Института в Белой Церкви.

нем были помещения и для дортуаров и для классов, а также большой зал, в котором весь институт выстраивался на утреннюю и вечернюю молитву. В этом же зале давались уроки гимнастики и танцев, балы на праздники, устраивались лекции и концерты. На возвышении находился алтарь, закрытый деревянной перегородкой. По праздникам перегородка разбиралась, превращая зал в церковь, вмещавшую не только всех воспитанниц, но и персонал. Пел хор, составленный только из воспитанниц, управляемый бессменным регентом Е. В. Говоровой.

При институте имелся прекрасно оборудованный лазарет, свой доктор и две сестры милосердия. В большом дворе, окруженном высоким забором, были «гигантские шаги», качели, кольца, турник, крокет. Кроме того во дворе находились «службы»: своя прачешная, сапожная мастерская, пекарня, и даже было свое домашнее хозяйство: куры, индейки и свиньи.

Питание в ин-те было вполне хорошее, а более хрупкие или болезненные девочки получали «усиленное питание» и ненавистный рыбий жир.

Большим событием было посещение института в 1925 году генералом Врангелем, а также приезд Е. В. Татьяны Константиновны Багратион-Мухранской, привезшей в институт свою дочь Наташу. В 1930 г. Е. В. Королева Югославии, Мария,

приняла институт под свое высочайшее покровительство и начальница с маленькой группой воспитанниц была несколько раз приглашена во дворец.

Е. В. Княгиня Татьяна Константиновна с сыном и с классом своей дочери Наталии.

Учебная программа в Югославии была одинакова для всех учебных заведений. Нужно было окончить восемь классов и получить аттестат зрелости («велику матуру»), дававшую право поступления в высшие учебные заведения. Но фактически в ин-те наряду с этой программой существовала другая — приобщение воспитанниц к русской культуре. Обращалось особое внимание на изучение русской истории (преподаватель М. Н. Лосев), и русской литературы, которую одно время преподавал в старших классах А. П. Петров. Хотелось бы перечислить всех наших преподавателей, которые, не щадя своих сил и нервов, старались дать нам самое лучшее, что было взято ими от родных "Alma Mater". Как дети всюду и везде, мы бывали и несправедливы и требовательны и теперь, глядя назад «взрослыми» глазами, мы видим, как много получили мы от них неоценимых сокровищ, кроме книжных знаний: любви к родине, любви к русской истории и литературе, умение ценить и гордиться тем, что мы русские.

В институт приезжали писатели и поэты: Б. Зайцев, Е. Чириков, И. Северянин, Е. Журавская, проф. Кизеветтер и др. Издавался своими силами журнал «Голубой Цветок» в котором печатались стихи воспитанниц и выдающиеся сочинения. Очень поощрялось искусство: ставились — тоже своими силами — спектакли в институтском зале; устраивались концерты с музыкально-вокальной программой и литературные вечера, посвященные писателям: «Вечер памяти Достоевского», «Вечер памяти Некрасова», «Пушкинский вечер» и др. Один или два раза в году давался балетный спектакль в городском театре «Бург», всегда получавший прекрасные отзывы в местных газетах. Под руководством Т. А. Тахтамышевой были поставлены почти полностью балеты «Фея кукол», «Щелкунчик» и отрывки из других классических балетов.

Институтки всегда принимали участие в местных сокольских слетах, иногда ездили на общие слеты в другие города, где встречались с учениками других русских учебных заведений.

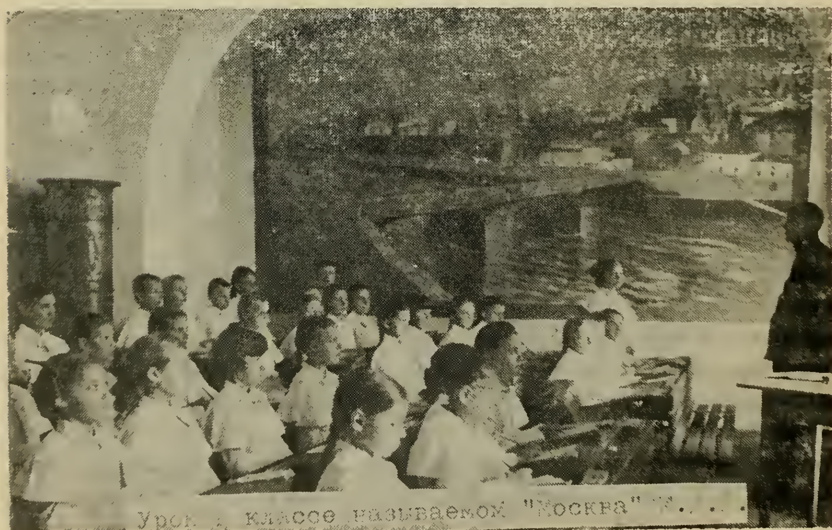
Выдающимся событием не только в жизни института, а всех русских жителей Белой Церкви был приезд в 1929 году труппы М.Х.Т. (Московского Художественного Театра). Я думаю, что многие из нас еще помнят спектакль, на который нас повели, простив даже наказанных. Давали «Вишневый сад». Увидеть блестящий спектакль в исполнении артистов знаменитого М.Х.Т., о котором мы столько слыхали от наших преподавателей — это было большой радостью и надолго оставалось самым сильным впечатлением тех лет.

По закрытии в 1931 г. Кикиндской гимназии и в 1932 г. Харьковского института, оставшиеся воспитанницы попали в состав единственного теперь Мариинского Донского Института. Частично влился и персонал двух закрывшихся учебных заведений и после смерти А. П. Петрова в 1933 г. инспектором классов был назначен учитель математики Д. Д. Данилов, а после него Чернокнижников.

Описывая жизнь Мариинского Донского Института в Белой Церкви, нельзя не остановиться на том обстоятельстве, что в этом же городе существовал кадетский корпус. Сначала это был Крымский корпус, позже, после его закрытия I Русский, переведенный из Сараево и получивший название Княже-Константиновского. У многих институток были братья-кадеты, приходившие навещать сестер в воскресные приемные дни. Каким желанным праздником было Рождество, приносившее

много радостей: на первый день в ин-те устраивалась елка для воспитанниц младших классов (включая 4-ый) с приглашенными соответствующими классами кадет. Распорядительницами на елке были девочки 4-го класса. Затем был бал для старших (от 5 до 8), где «хозяйками» были семиклассницы. А затем был бал в корпусе для старших классов. И никогда не забудется то торжественное настроение, с которым входили мы в зал кад. корпуса под звуки марша, исполняемого прекрасным кадетским оркестром. Как хорошо было танцевать под музыку оркестра и каким жалким казался нам тогда наш бал, с тапером за роялем. Эти балы, естественно, являлись местом рождения тех чудесно-целомудренных юных чувств, которые до сих пор мы вспоминаем с теплой радостью. Как много светлой дружбы еще из тех лет сохранили мы на всю жизнь и как много тех полудетских отношений переросли в настоящую любовь и закончились браком. И хотя начальница и классные дамы не позволяли нам даже ответить на поклон на аллее, но не было наверно случая, чтобы на кадетский праздник не были переданы в корпус десятки маленьких конвертов-поздравлений, как доказательство крепкой и чистой нашей дружбы.

В 1940-м году институт, по требованию военных властей, вынужден был перейти в другое помещение, находившееся около вокзала. Казалось немыслимым покинуть обжитое годами здание, где классы носили названия русских городов, нарисованных на стенах (Москва, Киев и др.), а столовая вся

Урок [illegible] классе называемом "Москва" ...

была расписана эпизодами из русских сказок. Новое помещение состояло из здания против вокзального парка и также здания на углу Караджорджевой улицы, где были устроены классные комнаты для старших классов и маленькая учительская. В главном здании были размещены дортуары и классы младших, во дворе во флигеле была столовая. Самая большая классная комната служила залом. В ней же помещалась и церковь.

Несмотря на то, что жизнь была теперь лишена многих прежних удобств, занятия шли нормально до конца марта 1941 года. В марте Министерством Просвещения было издано распоряжение о закрытии всех школ в стране и 31 марта в институте была получена телеграмма от Министерства предписывавшая немедленно прекратить занятия и распустить по домам девочек, живущих в институте. Уезжали ночью 31-го и на другой день — 1-го апреля, причем впервые с самого начала жизни института и корпуса в Белой Церкви, кадеты и институтки ехали вместе и институтское начальство даже просило кадет сопровождать и охранять институток. Позже вернулись обратно только воспитанницы 8-го кл. и в июне состоялся последний экзамен на аттестат зрелости.

Все лето и осень среди всеобщего хаоса оккупированной страны, упорно говорили о том, что институт все же откроется и занятия будут продолжаться. Все были настолько убеждены

в этом, что преподаватели института начали заниматься с небольшой группой девочек, проживающих в Белой Церкви. Только поздней зимой стало известно, что институт закрыт окончательно.

За 21 год существования Мариинского Донского Института его окончило около тысячи девушек, получивших аттестат зрелости. Большой процент быв. воспитанниц имеет высшее образование и среди наших подруг есть юристы, архитектора, профессора, доктора медицины и др.

Нельзя не остановиться на факте, что в институте училось много сербок, так воспринявших русскую культуру, язык и т. д. что и по сей день эти быв. институтки, живя в Югославии, выйдя замуж за сербов, остались такими же русскими, как мы, пишут письма на прекрасном русском языке, празднуют институтские годовщины. (Вера Ненадович, Неда Нешкова и др.).

Заканчивая эту статью, рассказав о жизни Мариинского Донского Института, я позволю себе маленькое отступление: я хочу поговорить о наших душах. Прошли годы. За это время мы не раз теряли все: любимые книги, вещи, фотографии; мы теряли жилье; теряли близких людей; мы узнали вторичную эмиграцию; мы пешком меряли дороги чужих стран и голод и холод и полная неизвестность «завтрашнего» дня шли вместе с нами по разбитым путям. Что же помогло нам не сломаться духовно? Не возроптать? Не потерять веру в Бога, в жизнь и в людей? Я уверена, что ответ надо искать в тех восьми годах институтской жизни. Мы не могли поддаться духовному упадку и разлюбить жизнь, если годами наш преподаватель естествознания С. Н. Боголюбов учил нас не только своему предмету, а тому, что жизнь — величайший дар Божий и вечный источник радости. И мы умели в страшные годы войны, сквозь дым пожаров все же видеть красоту заката и радоваться цветам у дороги... Мы не могли возроптать, т. к. непоколебимо верующий о. Василий Бощановский учил нас глубокой вере и философии терпения и кротости. Мы не могли раствориться в чужих странах, если все годы нам говорили и А. П. Петров и М. А. Аносов и М. Н. Лосев и др. о том, что наша родина — Россия, что необычайно велико влияние русское на весь мир (музыка, искусство, литература), что нам есть, чем гордиться. Благодаря этому нам удалось сохранить наши русские души и может быть хоть крупицы этих качеств передать нашим детям.

И еще: мы унесли из института с собой неоценимое сокровище — понятие о настоящей, крепкой и честной дружбе. И нити этой дружбы тянутся и сейчас со всех сторон: и из далекой Тасмании и горячей Венецуэлы, Аргентины и Канады, Югославии и других стран. И это нам всем награда за прежние жизненные потери.

Пусть же будет благословенна память о нашем дорогом институте, о людях, учивших и воспитывавших нас, о подругах, о тех годах, когда мы были так счастливы, что даже не умели понять и ценить этого счастья.

Воспитанница Мариинского Донского
го Института, выпуска 1932 года
Нонна Белавина.

Приношу благодарность всем быв. воспитанницам М.Д.И. приславшим мне какие либо сведения для этой статьи.

ЗАМЕТКА К СТАТЬЕ «ЛЕНИНГРАД» К. П. ЛЕСНИКОВА.

В «Перекличке» № 8 прочитал интересную, хорошо и живо написанную статью К. П. Лесникова о его поездке в Петербург (Ленинград).

Приблизительно то же переживали и мы с женой два года тому назад, во время нашей поездки туда.

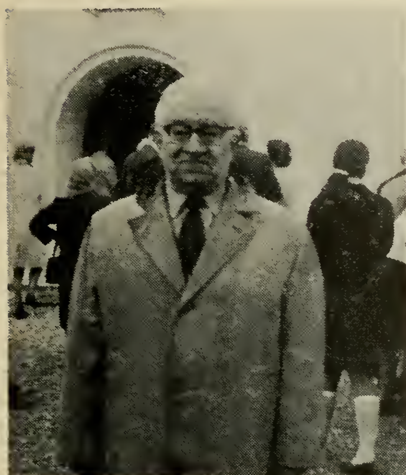
К сожалению одна досадная ошибка, а может быть опечатка, вкралась в статью К. П. Лесникова. На Исаакиевской площади находится памятник Николаю Первому, а не Александру Второму, как написано в этой статье. В Ленинграде нет ни одного памятника Александру Второму. О нем, как о царе освободившем крестьян и убитом революционерами, большевики не любят напоминать народу. Но несмотря на это память о нем в народе жива.

На берегу канала Грибоедова (прежде Екатерининского) осталась стоять церковь «Спаса на Крови» — в старо русском стиле, похожая на московского Василия Блаженного. Построена она была на месте, где был убит Александр Второй. Когда мы были там, она реставрировалась, поэтому внутреннюю часть нам не удалось осмотреть, она была закрыта. Но мы увидели что-то нас поразившее. На наружных стенах вокруг всей церкви мы увидели трогательные надписи, сделанные карандашом или выцарапанные чем-то острым: «Господи, помоги мне выдержать экзамен», «Дай, Господи, чтобы Ваня благополучно вернулся домой», «Помоги, Боже, чтобы Катя и Леня были счастливы», «Помоги мне, Господи, хорошо написать диссертацию», «Дай, Боже, чтобы наш сын Геня поправился», и т. д. Конечно, делать эти надписи было строго запрещено, их тщательно стирали или соскабливали, но они все время появлялись снова. Не знаю, делаются ли эти надписи теперь.

Борис Павлов.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ПАВЛИК ГАЙДОВСКИЙ-ПОТАПОВИЧ

Павлик родился в 1905 году где-то на берегах Диканьки и был подлинно законченным типом гоголевского малоросса, которого хохлацкий юмор не оставлял даже и в дни его долгой болезни. Он был сыном покойного нашего преподавателя физики, Александра Михайловича, до Сараево преподававшего в Одесском корпусе; в 1916 году Павлик стал, натурально, кадетом-одесситом.

При эвакуации корпуса в январе 1920 г., он с родителями был вывезен в Варну, откуда скоро, с отцом, прибыл в формировавшийся Русский кадет. корпус. Как и случилось со мной, революция и эвакуация «слизнули» у Павлика 3 и 4 классы и осенью 20-го года мы очутились с ним, в Сараево, в 5-м классе: он в 1-м одесском отделении, а я во 2-м киевском. Так и прошли наши три года параллельно, пока не слились в одно отделение 8-го класса.

Кадетские годы были, безусловно, самыми светлыми в нашей жизни. О них у Павлика память была тоже совершенно феноменальная. Следующие пять лет нашей жизни мы провели в Лувене, в Бельгии, в общежитии для русских студентов — стипендиатов Кардинала Мерсье и его преемников. Сколько вечеров мы провели с Павликом, сидя на наших кроватях, и слушая его бесконечные воспоминания о корпусе и бесчисленные анекдоты-были из кадетской жизни! Одного не могу ему простить: сколько я его не упрашивал, он по своей хохлацкой лени не записал ни одной строки об этом былом. А была бы чистая поэма, которой позавидовал бы Саша Черный. Тем более, что и рассказывал это Павлик тоном и речью солдата-балагура. Этими рассказами и солдатскими анекдотами он нас радовал долго и потом, на наших редких встречах.

После университета Павлик сравнительно быстро, несмотря на экономический кризис, получил место инженера на уголь-

ной шахте бельгийского Лимбурга, в Звартберге. На ней он провел всю свою жизнь, сначала просто инженером, а потом начальником электрической службы под землей. Оставаясь всю жизнь глубоко военным в душе и притом РУССКИМ, во время последней войны он получил возможность проявить эти свои чувства в Движении Сопротивления. В 1942-43 г.г., оккупировавшие Бельгию немцы прислали на работу в бельгийских шахтах несколько тысяч советских пленных и т. наз. «остовцев». В том числе — и на шахту Павлика. Поскольку все эти люди попадали под землей во многом под команду Павлика, да еще бывшего русским, дирекция шахты поручила ему обучение новоприбывших их новому ремеслу.

Ремеслу Павлик их отменно научил, но, что было гораздо важнее, он воспользовался своими лекциями, чтобы рассказать своим «бойцам» настоящую историю России и русской Императорской Армии. Учил их познать ее былую славу, ее традиции и героев. Занимаясь духовными вопросами, Павлик не забывал и других. Пленные приехали в ужасном состоянии. У нас в Льеже, например, почти все были покрыты чирьями, как результат отсутствия санитарных условий в лагерях, а главное, голода. Заступаясь за них перед дирекцией шахты (кстати, оказавшейся весьма отзывчивой) Павлик получил для своих «орлов» что-то вроде усиленного (по тем временам) питания. Кроме того, благодаря обширному кругу русских друзей, в том числе и кадет, он смог передавать пленным продукты питания, белье и курево.

Почти одновременно, через нашего Петю Крылова, тоже недавно скончавшегося, Павлик вступил в связь с бельгийским Движением Сопротивления военных кругов, организовавших «Секретную Армию». Павлик организовал для пленных, хотевших бежать в эту Армию, передачи штатской одежды, ботинок и др. Благодаря ему, целый ряд пленных бежал с шахты и с Петей Крыловым, как поводырем и проводником, достиг арденских лесов, убежища Секретной Армии, и оттуда занимался диверсиями в немецком тылу. После войны Бельгийское правительство наградило Павлика «Медалью Сопротивления» и «Памятной медалью».

После войны Павлик выписал к себе из Югославии своего отца, оставшегося после закрытия корпусов в тяжелом положении; Александр Михайлович прожил еще 6 лет, окруженный заботами сына и его жены, и скончался в Звартберге в июне 1952 года. Позже, Павлик выписал из Болгарии свою

мать, Ольгу Николаевну. В эти пятидесятые-шестидесятые годы дом Гайдовских стал вроде поместья, куда съезжались их русские друзья и кадеты-однокашники. Не было воскресенья или праздника, чтобы дом не был полон гостей. Спали где могли, даже на матрацах на полу — и всем было радостно и весело.

В июле 1964 года скончалась Маня, жена Павлика. Это было большое горе и для него, и для всех его товарищей и друзей. Павлик остался лишь с мамой. Уже в эти годы начала сказываться на его здоровьи работа под землей и легкие, наполненные угольной пылью, начали ему доставлять страдания, от бронхитов до одышки.

В конце 60-тых годов, по плану сокращения угольного производства в Европейском Содружестве, шахта была закрыта. Т. к. Павлику оставалось 2-3 года до пенсии, его отпустили в чистую, с полной пенсией «за выслугу лет и за заслуги». Он переселился с мамой в Брюссель, поближе к кадетам и к своим многочисленным друзьям. И жил бы радостно и спокойно, если бы не каждая зима с приступами легочных болезней и слабости от них. Но духом он всегда оставался так же бодр. За это время он прочитал множество научных книг и написал собственный труд о том, как наука подтверждает подлинность книги Бытия о сотворении мира. К моему удивлению, на этот раз он записал все свои мысли мельчайшим почерком на 70-ти страницах, унаследованных теперь его сыном.

В марте 1969 года скончалась его мать, Ольга Николаевна, и Павлик остался полным сиротой, вплоть до его второго брака через пару лет на вдове доктора Болдырева, Ольге Георгиевне. Но под Рождество 1972 года Павлика снова скосила его болезнь, сопровождавшаяся массой осложнений все от той же угольной пыли. Когда я был у него в клинике прошлого года, он чувствоавл себя очень бодро. Был у нас обычай со дня выхода из корпуса: я его поздравлял с праздником Одесского корпуса, а он меня с Киевским. В последнем своем поздравлении прошлого года он бодро писал: — «верю, что доживу до нашего 50-ти летнего юилея взаимных поздравлений». Дружище, — не дожил ты девяти дней до моего поздравления к твоему празднику!

Вечная память нашему верному товарищу — кадету до мозга костей. «Пусть он усмехается в обителях небесных!», как говорил прототип нашего Павлика — Грицько, панночке-утопленнице в повести Гоголя. Буди светлость лица Твоего, Господи, с ним! *бар. В. Местмахер-Будде вице ун. оф. IV вып.*

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА И ДРУГА.

26-го июля 1974 года мы похоронили на кладбище Брюсселя кадета II выпуска Русского кад. корпуса в Королевстве С.Х.С. — Петра Ивановича Крылова, коренного кадета Ташкентского Е.И.В. Наследника Цесаревича кад. кропуса.

За несколько дней до кончины, ему была сделана серьезная операция: ему вставили в грудь батарейку, ввиду ослабления деятельности сердца. Операция прошла хорошо и доктора уверяли, что он вне опасности, а 22-го июля, в 7 ч. утра, Петя умер от неожиданного воспаления легких.

Церковь не могла вместить всех, кто пришел проститься с Петей; все, кто его знал, любили и уважали его, он никому не сделал зла, но наоборот, многим помог и сделал много добра. Гроб был завален венками и букетами и кончина его глубоко опечалила всех, кто его знал.

Я встретил Петю Крылова 54 года тому назад в Русском кад. корпусе в Сараево, который мы вместе кончили в 1921 году, в одном отделении, и поступили в Белградский Университет, где и учились, и мостили улицы, и работали на постройках домов. Вскоре Петя уехал в Константинополь, где у него был брат с семьей. Оттуда все они переехали в Бельгию, где мы снова с ним встретились и работали на зеркальном заводе, пока не получили стипендию и не поступили в Выс. Коммерческий Институт в Лувене. По окончании Института, Пете удалось выписать из России мать и сестру; мы с ним часто ви-

делись и в его доме многие кадеты находили в тяжелые минуты жизни и кров, и стол. Его мать, проявившая много заботы по отношению к кадетам, была избрана почетным членом нашего Объединения, созданного незадолго перед этим.

Вторжение немцев без объявления войны в Бельгию, 10 мая 1940 г., застало Петю в Брюсселе. Он принял деятельное участие в подпольном бельгийском Движении Сопротивления оккупантам и, также как и Павлик Гайдовский, был награжден бельгийскими наградами за свою деятельность. Кроме того, всей душой стремясь помочь русским людям и облегчить им страдания, Петя побывал в эти годы на русской земле в качестве переводчика в лагерях советских пленных, где делал все, что было в его силах, чтобы им помочь.

26 лет тому назад мы основали с Петей наше совместное коммерческое предприятие и все эти годы работали вместе. Петя женился и имел 4-х детей. Это была замечательная русская семья: дети прекрасно говорили по русски и двери их гостеприимного дома всегда были широко открыты для всех друзей и Петя никогда и никому не отказал в помощи. Кадеты, приезжавшие в Брюссель из других городов и стран, часто останавливались у него в доме и жили, окруженные вниманием и заботами радушных хозяев.

П. Крылов был вице-председателем Бельгийского Объединения и много потрудился для устройства вечеров, банкетов и поездок в Швейцарию и во Францию. Он честно прожил свою жизнь и выполнил свой кадетский долг, участвуя в борьбе против красных в составе Закаспийских белых частей. До сих пор я не могу еще свыкнуться с мыслью о том, что уже больше не увижу его утром, сидящего в нашем бюро за столом напротив меня, и не смогу с ним поделиться мыслями о кадетских делах.

Опустили гроб в глубокую могилу, хор пропел «Вечную память» и еще раз склонился наш знаменный флаг. Да буедт ему легка дружеская, но все же чужая бельгийская земля! От лица всех наших кадет выражаю самые искренние и сердечные соболезнования верной жизненной спутнице Пети Крылова — его супруге Елене Александровне и его детям: Ксении, Ольге, Ивану и Елене.

Г. Гуторович.

19-9-74 года, от инфарта, на 79 году жизни, скончался ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ есаул МЫЛЬНИКОВ.

Родился Вл. Ст. 19 мая 1895 года в г. Новочеркасске. После окончания среднего образования поступил в Новочеркасский Политехнический институт и, когда вспыхнула 1-я мировая война в 1914 году, вступил добровольцем в Донские части. После ранения был командирован в Николаевское артиллерийское Училище по окончании которого, служил в Донской артиллерии. Всю Гражданскую войну прошел в родных казачьих частях.

Из Крыма, с Белой Армией, эвакуировался на Лемнос и дальше в Югославию и Францию, где проживал в г. Лионе.

В 1948 году приехал в Бразилию. Состоял действительным членом ОКО в г. Сан Пауло и, после смерти председателя Союза Военных Инвалидов Е. Н. полк. Андреева, с 1972 года возглавил Союз.

Долгие годы был сотрудником казачьего журнала «Родимый Край». Неожиданная смерть верного сына России, принесла его друзьям и знакомым глубокую печаль.

Председатель кадетского Объединения Сергей Артонов, Правление, кадеты и друзья, проводили дорогого усопшего к месту его упокоения. Похоронен под Двуглавым Орлом в кадетском склепе, на кладбище «Кампо Гранде» в г. Сан Пауло.

Марии Николаевне и родственникам, Правление и Члены Объединения, выражают глубокое соболезнование в постигшем их горе.

Секретарь ОКО Г. Лукашевич.

---

20 октября 1974 г. после продолжительной болезни на 71 году жизни скончался

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЕНЕДИКТОВ

кадет 2-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса.
Выражаем искреннее соболезнование супруге, брату и всей семье покойного.

3 июля с. г., после продолжительной и тяжелой болезни, скончался в г. Наяке, Н. Й.

Павел Аркадьевич
ШПАКОВСКИЙ

Покойный родился 16 января 1913 г. в г. Асхабаде, Закаспийской области, в военной семье. В Кад. Корпусе пробыл только несколько лет и учился, почти все время, экстерном. Детство и юношество провел в Вел. Бечкереке — Банат. Во время Второй мировой войны служил офицером во 2-м Сибирском полку 1-ой Казачьей дивизии, а затем во 2-ой дивизии РОА.

После покойного осталась жена, четверо взрослых детей и четверо внуков.

Выражаем соболезнование всей семье покойного.

Однополчанин.

Объединение Кадет Зарубежных Кадетских Корпусов в Каракасе с глубокой скорбью сообщает, что 1 июня с. г. трагически погиб сын члена Объединения Бориса Плотникова

АЛЕКСАНДР ПЛОТНИКОВ

Покойному было 28 лет. Смерть произошла от несчастного случая при пробном полете сконструированного им летательного аппарата.

Вечная ему память.

Г. Щ.

---

23 сентября с. г. в г. Санта Роза, Калифорния, скончался

подъесаул Кубанского казачьего войска

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ЧЕРНЯЕВ

кадет 2-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса, окончивший Николаевское Кавалерийское училище в 1923 г. в Белой Церкви.

Printed by "Monastery Press" — 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.

Printed by "Monastery Press", 3011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.